

18+

Мария Хайкина

Единожды восстав

Мария Борисовна Хайкина

Единожды восстав

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109435

ISBN 9785005110824

Аннотация

В романе «Единожды восстав» мы вновь встречаемся с героями эпопеи «Идущие навстречу». И вновь вступают в борьбу жестокость и милосердие, эгоизм и самоотверженность, справедливость и великодушие. Эта книга – о преодолении. О душе, что становится ареной борьбы светлых и темных сил. О нелегком пути к самому себе.

Содержание

Книга I	5
ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	39
Взгляд назад	43
Глава 4	51
Глава 5	59
Взгляд назад	59
Глава 6	72
Глава 7	84
Взгляд назад	84
Глава 8	101
Глава 9	112
Глава 10	120
Глава 11	133
Глава 12	145
Взгляд назад	145
Глава 13	159
Глава 14	168
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Единожды восстав

Мария Борисовна Хайкина

© Мария Борисовна Хайкина, 2020

ISBN 978-5-0051-1082-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I

Хищник

ПРОЛОГ

Есть вопросы, которые, будучи брошены в усыпленное неспешным разговором общество, вызывают ответные волны внимания. Шесть человек мирно коротали вечер в беседе, и лишь один молча созерцал собравшихся. Но когда речь зашла о нравственных законах, и у него возникло желание войти в разговор. Тогда молодой человек задал свой вопрос:

– В писании сказано: «Единожды солгав, кто ж тебе поверит». Не означает ли это, что у оступившегося нет пути назад?

Вопрос вызвал оживление. Шесть голов повернулись в сторону спросившего, на него обратились шесть пар глаз.

– Да какая может быть вера лжецу! – воскликнула одна из дам.

– Но если он раскается, – возразила другая.

Один из мужчин лишь молча покачал головой.

– Как мне кажется, – вступил в обсуждение другой, – мысль эту можно трактовать шире. Причиной отказа в доверии может быть не только ложь.

– Ты считаешь, – поддержал его первый, – что изгоем делает любое серьезное отступление от принятых в обществе норм?

– Именно так. Человек, бросивший вызов общепринятым законам, обществом отторгается. Иначе нельзя. Законы вырабатываются веками, они даруют людям и порядок, и чувство защищенности.

Его собеседник склонил голову в знак согласия.

– Послушайте, – робко вступила в разговор самая молодая из дам. – Каково бы ни было отступление, разве у отступившегося нет пути назад?

Вопрос она обращала к молодому мужчине, молча всматривающемуся в огнедышащее чрево камина. Он единственный пока не принял участие в обсуждении. Слова, обращенные к нему, заставили мужчину отвлечься от дум. Медленно проведя рукой по лицу, он распрямился. Дама тихо повторила свой вопрос.

Мужчина вскинул голову. Глаза его блеснули.

– Пути назад нет! – жестко отчеканил он.

Глава 1

Та история, вернее, истории, что я хочу рассказать, могут послужить прелюдией к описанному разговору. Жизненные пути сталкивают людей, разводят их, сводят снова, их судьбы переплетаются в сложный узел, потом все налаживается, а, может быть, разлаживается, и наступает хаос, но выход находится, и жизнь течет дальше, исполненная радости и грусти, плавная и бурная, такая, как и всегда.

Мне трудно определить момент, который можно было бы посчитать началом повествования. Считать точкой отсчета первое столкновение героев? Но как тогда понять, какими они пришли к этому столкновению? Начать рассказ с момента, когда герой вступает во взрослость? Но взрослую жизнь он начинает уже сформированной личностью, а в каких обстоятельствах происходило это формирование? Считать началом всего детство? Но влияние на жизнь человека нередко оказывают обстоятельства, сложившиеся еще до его появления на свет.

Трудно определить, где та первая веха, с которой все началось. Тем более, что начало для каждого из героев было свое.

Поэтому не буду отступать слишком назад, вылавливая точку отсчета. Просто начну. Начну, как придется.

Началом может послужить известная фраза нашего клас-

сика: «Театр полон, ложи блещут...» Действие открывает эпизод, произошедший в провинциальном театре. Вообразите себе помещение, лишь подражающее блеску театра столичного: занавес – простой, без прикрас, масляные лампы вместо хрусталя люстр, крашенные стены и несколько выцветший бархат заменяют позолоту и роскошные портьеры. Однако и здесь можно насладиться богатством красок. Ложи заполняют дамы в туалетах, отливающих всеми цветами радуги, рядом с ними кавалеры, фигуры их в обтягивающих фраках смотрятся стройно и строго, яркие мундиры офицеров блистают золотом эполет... Блестящая эпоха...

Публику, заполняющую расположенные полукругом ложи и партер, не смущает скромный вид их театрального здания. Они рады любому представлению, ведь собственной театральной труппы в их городе нет, и это зрелище им доводится видеть нечасто. Поэтому поистине: «Театр полон, ложи блещут...»

Дают балет. Легкой птицей балерина порхает по сцене. Она то в неудержимом порыве устремляется ввысь, то плавно склоняется, чуть трепеща, как легкая травинка на ветру, то начинает кружиться, точеными движениями выбрасывая стройную ножку. Сотни глаз следят за ее движениями, одни с восхищением, другие с величественным спокойствием, третьи – с показным равнодушием.

Но у группы молодых офицеров, с удобством расположившихся в первых рядах партера, затейливый танец ба-

лерины вызывает истинный восторг. С шумным воодушевлением они обмениваются мнениями, не обращая внимания на недовольные взгляды окружающих. Один восхваляет ее изящный, гибкий стан, другого пленяют стройные ножки, у третьего вызывают восхищение грациозные движения юной дивы. Одобрительные возгласы, смачные эпитеты разогревают их воображение, и молодые люди расходятся все больше, пока случайно брошенная фраза не меняет направление их беседы.

– Говорят, она столь же хороша, сколь и доступна, – небрежно роняет один из них.

– А что, это действительно так! – смеясь, подтверждает другой. – Я знаю это достоверно.

Действие на сцене мгновенно забыто, взоры горят любопытством.

– И каков же источник твоих сведений? – спрашивает один из офицеров.

Однако произнесший последнюю фразу лишь молча, с довольным видом покручивает усы.

– Господа, – вмешивается белокурый юнец по имени Стифон Нориш. – Господа! Интересно не это. Интересно, кто будет следующим избранником.

– О да, это было бы весьма интересно! – тянет черноволосый крепыш, которого товарищи по-дружески называют Петухом за горячий нрав. Настоящее имя его Годди Хауэр.

– Послушайте, господа, – неторопливо вступает в разго-

вор еще один участник. – Все зависит от нас. Красотка достанется тому, у кого хватит на это дерзости и смекалки.

Он высок и крепок, серые холодные глаза его смотрят на мир с вызовом. Зовут его Айтон Дарагон.

– Дарагон прав! – соглашается первый из говоривших, носивший имя Котни Четер, но чаще его называли Усачом за преувеличенное внимание к своим усам. – Тот, кто проявит себя, того красotka и уделит своим вниманием.

– Вопрос, кто сумеет сделать это первым, – замечает Стифан Нориш.

– Или кто сможет произвести большее впечатление, – возражает Усач.

– Для этого нужно понимать, что нравится женщине, – высказывает свое мнение Петух. – Не каждый умеет найти нужный подход.

– Ерунда! – заявляет Дарагон. – Главное – захотеть, а чего хочешь, того и добьешься.

– Одного желания не достаточно, – возражает Петух. – Нужно еще желание самой красotки.

– Если я захочу, то и она захочет, – жестко говорит Дарагон.

– Не хочу тебя обижать, но ты преувеличиваешь свои силы, – отвечает Петух насмешливо.

– Не хочу ни о чем напоминать, – парирует Дарагон, сверкнув глазами, – но я всегда получаю то, что хочу.

Разгоряченные молодые люди приподнимаются, не обра-

щая внимания на продолжающееся выступление. Вызвавшая это столкновение танцовщица распластана на полу. Ее тонкие трепещущие руки устремлены ввысь. Публика следит за их замирающим колыханием. Только спорщики ничего не замечают.

– Господа! Господа! – приятели пытаются остудить их пыл. – Айтон! Годди! Успокойтесь!

Усач кладет руку на плечо Дарагону.

– Айтон, дружище, – примирительно говорит он, – не стоит горячиться. Мы все знаем, на что ты намекаешь. Годди не может простить твой последний выигрыш в забеге.

– Нечестный выигрыш! – вставляет Петух. – Он оттолкнул меня!

– Господа! Господа! Тише! – раздаются голоса вокруг.

Всплеск восторженных выкриков и рукоплесканий врывается в спор и приостанавливает его. Танцовщица раскланивается. Повернувшись к сцене, молодые люди присоединяют свои рукоплескания к остальным. Однако спор не забыт.

– Когда представление закончится, – шепчет Айтон на ухо своему противнику, – я покажу тебе, кто первый добьется внимания актрисы.

– Это мы еще посмотрим, – тихо отвечает тот.

Однако разочарование подстерегало обоих. Пока молодые люди выясняли отношения, пока они дожидались окончания балета, пока разыскивали подарки, которыми намеривались снискать благосклонность молодой девицы, их товарищ,

не имевший даже представления о сложившемся противостоянии, проник в гримерную балерины, сказал несколько комплиментов, быть может, присовокупил что-то еще, и вырвал желанное обещание. Он сам оповестил об этом приятелей. Их встреча произошла у дверей гримерной: спорщики собирались войти, их счастливый соперник выходил. Звали счастливца Эфри Стиган.

...

Эфри был мечтателем. В детстве он мечтал о дальних странах. Он – путешественник, он первооткрыватель, он идет туда, куда не ступала нога человека, он видит то, чего еще не видел человеческий глаз. Но, когда Эфри повзрослел, пришлось избрать карьеру военного, потому что так делали все мужчины в его роду. Впрочем, к этому времени мечты о странствиях уже потускнели. Теперь он обратил свои взоры к военным успехам. Он зачитывался биографиями полководцев, он знал наизусть великие битвы прошлого. Но ему довелось жить в мирную эпоху, когда служба сводилась к строевым учениям, а остальное время заполняли кутежи и пирушки. Тогда он обратил свое внимание на дам. Теперь он мечтал снискать внимание самой прекрасной из них. Надо сказать, что на этом поприще у него оказалось больше всего шансов на успех. Эфри обладал привлекательной внешностью. Стройный блондин с карими глазами, выглядя-

щими бархатными на округлом лице с нежным юношеским румянцем, он не мог не нравиться. Мягкий голос, галантные манеры, все это выделяло его среди товарищей, отличавшихся большей грубостью. Эфри не сложно было найти путь к сердцу женщины.

Так произошло и на этот раз. Очаровательная танцовщица, мадмуазель Зарина, к его знакам внимания отнеслась благосклонно и согласилась одарить свиданием.

Окрыленный, он спешил к назначенному месту. Близившийся вечер спустил на улицы голубоватые сумерки, но выпавший еще третьего дня снег уже прочно разместился на крышах и заборах, и света, отражающегося от его блестящей поверхности, было достаточно. Скромные двухэтажные дома с редкими освещенными окошками серыми тенями тянулись по обеим сторонам улицы. Прохожих было немного. Никто не обращал внимания на пробегающего мимо юного стройного офицера, укрывающего что-то под полой плаща.

Свидание должно было состояться в Северной Короне. Это пышное название носил скромный флигель, укрытый от посторонних глаз двумя большими трехэтажными домами на улице Оружейников. К флигельку вела хорошо расчищенная тропинка. Вошедший внутрь попадал в обстановку, которую трудно было предположить по неказистому наружному облику. Полыхал камин, удобные кресла с круглыми столиками рядом располагали к отдыху, бархатные портьеры

навевали мысли об уюте. Дубовая лестница вела на второй этаж, где находились отдельные номера.

Скинув плащ, который тут же приняла откуда-то материализовавшаяся служанка, Эфри поспешил наверх. В руках он сжимал округлый сверток, в котором не трудно было угадать коробку с тортом. Толкнув дверь в конце коридора, Эфри оказался в удобно обставленной комнате. Столик у камина был сервирован для изысканного ужина, обстановку довершали широкая кровать под балдахином, два кресла, стулья с витыми ножками, туалетный столик с огромным зеркалом и изящная ширма.

Поставив торт на столик, Эфри довольно огляделся. Да, хорошо, что он не поспешил. Здесь есть все, что нужно. Мадмуазель Зарине должно понравиться. Она привыкла к изысканной обстановке. Она достаточно избалована вниманием.

Нагнувшись, он принялся распутывать завязанную на коробке ленточку. Узел оказался затянут туго, и поглощенный своим занятием, он не обратил внимания на движение сзади. Он слишком поздно почувствовал неладное. Шорох, прозвучавший рядом, заставил Эфри поднять голову, но больше ничего предпринять он не успел. Обрушившийся на голову удар заставил его отключиться.

...

Сначала вернулся слух. Он слышал невнятные звуки. Глаза Эффри были широко распахнуты, но видеть он не мог – все скрывал темно-красный сумрак. Попытавшись повернуться, Эффри обнаружил, что члены его скованы. Он хотел крикнуть, но передумал. Среди услышанных звуков различались шаги, рядом кто-то был, и этот кто-то был недругом. Стиснув зубы, Эффри стал ждать.

Ожидание его длилось недолго. Шаги приблизились, с ними пришел свет, и Эффри осознал, что ничего не видит из-за красной ширмы. Теперь он понимал, что крепко привязан к стулу, а ширма отгораживает от него остальную комнату. Свет шел от лампы, которую держал в руке человек в форме офицера. Поддавшись вперед, Эффри устремил взгляд на лицо подошедшего и с недоумением узнал Айтона Дарагона.

– Что происходит? – хрипло спросил Эффри.

– Не надо было тебе этого делать... – сказал Дарагон.

– Не понимаю...

– Не надо было вмешиваться. Мадмуазель Зарина – не для тебя.

– Ах, вот оно что... – медленно проговорил пленник, начиная понимать. – И как же ты собираешься исправить положение?

– Как видишь, я уже все исправил. Я приму мадмуазель Зарину вместо тебя.

Путы не помешали Эффри гордо вскинуть голову.

– Ты сошел с ума! – гневно бросил он.

Жесткая усмешка скривила губы его похитителя.

– А кто мне помешает? Не ты ли? – Он нагнулся к связанному, и тот близко разглядел глаза Дарагона. В них полыхал потаенный огонь. Он наслаждался беспомощностью своей жертвы.

– Как видишь, я даже не удосужился заткнуть тебе рот, – сказал Дарагон. – Впрочем, если ты будешь настаивать, я это сделаю. Однако, не советую тебе обнаруживать свое присутствие. Представляешь, как приятно будет мадмуазель увидеть тебя в столь постыдном положении.

Ярость комом застыла у Эффри в горле. Он отвернулся, чтобы не видеть издевки на торжествующем лице противника.

Айтон удовлетворенно кивнул и выпрямился.

– Я вижу, ты понял. Хорошо. Очень хорошо... В таком случае, ты засвидетельствуешь, что это я сегодня принимал очаровательную мадмуазель Зарину. Я устрою так, чтобы ты имел возможность все видеть.

Эффри стиснул зубы. Его била дрожь.

Не обращая больше внимания на своего пленника, Айтон занялся ширмой. Он передвинул ее так, чтобы через щель была видна часть комнаты. Лампу он установил с расчетом, чтобы свет от нее падал на противоположную сторону помещения, оставляя саму ширму и то, что за ней, в тени. Закончив приготовления, он вышел.

Пленник остался один. Лишенный возможности двигать-

ся, он не мог ничего предпринять, а бессильные крики выглядели бы унизительно. Оставалось ждать.

Вернулся Дарагон скоро. Эфри услышал, как дверь открывается. Теперь он различал два голоса, низкий, жесткий — Дарагона и высокий, чистый, принадлежащий юной танцовщице. Недоуменные нотки, звучащие в нем сменились было игривыми, но вскоре в тоне девушки зазвучало беспокойство, потом гнев, потом страх. Дарагон сперва уговаривал, но очень быстро просящие интонации в его голосе стали жесткими и властными, а звук разговора сменился шумом борьбы. Сквозь щель в ширме Эфри мог видеть, как Дарагон швыряет свою жертву в кресло, как жесткие руки его мнут девушку, как она беспомощно извивается, пытаясь освободиться... Потом у него уже не было сил смотреть, отвернув голову, Эфри закрыл глаза, но уши заткнуть он не мог, и надрывный вскрик несчастной ножом резанул его по сердцу. Стиснув зубы от бессильной ярости, он ждал. Ждал конца этой муки. Ждал, когда придет освобождение. Ждал, когда из бессильной жертвы он сможет превратиться в яростного мстителя. За себя и за несчастную девушку.

Ждать пришлось долго. Наконец шум борьбы за ширмой стих, теперь слышалось лишь шуршание одежды и успокаивающие уговоры. Потом хлопнула дверь, и сделалось тихо. Все закончилось.

Эфри яростно извиваясь, попытался освободиться, но успел лишь чуть ослабить веревки. Айтон вернулся.

Пленнику было слышно, как он, насвистывая, расхаживает по комнате. Потом от резкого пинка ширма повалилась, и Эфри увидел своего противника. Глаза Айтона возбужденно блестели. В руках его был нож.

– Я вижу, на тебя произвел впечатление мой маленький спектакль. Еще немного, и ты убьешь меня взглядом. – Лицо Дарагона скривила усмешка. – Ну-ну, не бесись так, это еще не конец света. Я всего лишь получил то, что хотел, а нашей очаровательной мадмуазель все равно, кого дарить своими ласками. Правда, ты оказался не у дел, но ничего не потеряно. Ты можешь утешить ее завтра. Или послезавтра, если кто-нибудь опять окажется более прытким.

Губы пленника шевельнулись, но вслух он ничего не произнес. Он не хотел тратить на Дарагона слова. Он знал, что будет бороться с насильником и одолеет его, но без пустых словоизлияний.

Между тем Дарагон медленно склонился над пленником и приблизил нож к его шее. Сузив глаза, он наблюдал за реакцией. Эфри не шевелился. Опустив нож ниже, Айтон быстрым движением перерезал веревку, стягивающую плечи пленника, и отступил назад.

– Теперь ты справишься сам, – бросил он.

Пока Эфри распутывал узы, Дарагон, поигрывая ножом, наблюдал за ним. Когда, освободившись, Эфри встал, Дарагон чуть заметно напрягся, но с места не двинулся. Жесткие глаза его смотрели с вызовом. Эфри молча двинулся к вы-

ходу.

– Могу дать совет, – внезапно сказал Айтон. – Забудь все, что произошло между нами. Для тебя так будет лучше.

Стоящий в дверях Эфри обернулся.

– В одном я уверен, – коротко ответил он, – ты не останешься безнаказанным.

Айтон Дарагон усмехнулся:

– Помни мой совет...

...

Айтону Дарагону исполнилось двадцать шесть. Это был высокий, широкоплечий, крепко сложенный молодой человек. Каштановые волосы жестко курчавились вокруг его головы, черты лица были грубоваты, хотя им нельзя было отказать в мужественности. Это лицо могло показаться привлекательным, если бы его не портили хищно раздутые крылья носа, тяжелая линия подбородка, а, главное, холодный взгляд отливающих сталью серых глаз.

Гордо откинув голову, Айтон смотрел на своего противника. Вокруг Эфри сустились друзья. Петух дружески хлопал его по плечу, Стифон Нориш что-то торопливо втолковывал, даже Усач, согласившийся выполнять роль секундан-та Дарагона, был рядом с Эфри. Рядом с Дарагоном не оказалось никого.

Было серое морозное утро. Солнце уже выбралось из-за

полуразрушенной стены и положило свои нежаркие лучи на пустырь перед нею. Слегка припорошенные снегом сухие стебли, голый кустарник и несколько елок, вот и все, что составляло пейзаж, скорее унылый, чем убогий. Когда-то место это было форпостом проникновения эретрийцев на север, теперь же от старой крепости остались лишь зарастающие развалины. Этот уголок посещался редко и как нельзя лучше подходил для той цели, с которой сюда пришли молодые люди.

– Будь внимателен, – торопливо говорил Петух. – Дарагон – хороший стрелок, он может опередить тебя.

– Я тоже неплохо стреляю, – ответил Эфри.

– Главное – твердая рука. Сохраняй спокойствие, – вставил Стифон.

– Не волнуйся, Я готов.

– Ну, удачи тебе!

– Господа, не изволите ли начать? Мы теряем время, – подал свой голос Дарагон.

Усач повернулся в его сторону.

– Как будет угодно, – отозвался он.

Он сделал знак остальным, и те торопливо расступились. Теперь Айтон и Эфри стояли друг против друга. Пистолет каждый держал опущенным к ноге.

– Господа, вы готовы? – спросил Стифан Нориш. Голос его тонкий и звонкий, слегка дребезжал от волнения.

– Я готов, – громко ответил Эфри.

Айтон лишь молча наклонил голову.

– Внимание! Сигнал! – Нориш поднял руку с платком.

Все замерли. Эффри подобрался, взгляд его был собран. Серые глаза Айтона сделались жесткими. Платок рухнул вниз, противники вскинули руки, и выстрелы грянули почти одновременно, сливаясь в один.

Эффри покачнулся и опустился на колени. Опершись рукой о землю, он попытался удержаться, но не смог и повалился на бок. Все бросились к нему.

Эффри лежал, прижавшись щекой к земле. Светлые кудри его разметались по снегу. Когда его развернули, стало видно красное пятно на груди.

– Я не смог... разглядеть... – выговорил он. – Я... попал? Слова давались ему с трудом.

Усач подsunул ему руку под голову и помог приподняться.

– Можешь быть спокоен, ты попал, – тихо ответил он.

– Хорошо... – шепнул Эффри.

Он вздохнул и закрыл глаза.

– Скорее же, доктор! – нервно вскрикнул Петух.

Доктор торопливо раскрывал свой чемоданчик.

Усач внимательно взгляделся в спокойное, будто уснувшее лицо Эффри и осторожно опустил его на землю.

– Можете не торопиться, доктор, – сказал он. – Мы уже не успели.

Айтон Дарагон оставался на месте. Он не шевелился и не издавал ни звука. Кровь из раны на голове заливала ему

лицо, превращая его в жуткую маску. Но единственный видный глаз продолжал сверкать холодным, жестким огнем.

Глава 2

Эретрия, страна, где живут наши герои, кажется мне страной мечты. Ее жители обладают тем, чего не достает современному миру. В жизни эретрийцев есть стабильность.

Ощущение стабильности – редкая, утраченная ныне драгоценность. Нигде это не понятно так, как в России, вечно находящейся в состоянии поиска лучшей доли и вынужденной постоянно довольствоваться худшей. Нам, не знающим, где на земле взбухнет очередная горячая точка, живущим в постоянном ожидании, какой новый закон еще больше осложнит наше существование, не имеющим представления даже, найдем ли мы на том же месте понравившийся нам магазин, стабильность представляется недостижимым чудом.

Вот почему, создавая свой мир, я наделила его именно этим даром. Эретрию не терзают войны. Не взрывают общество социальные катаклизмы. Переход из одного круга в другой возможен, и этого достаточно, чтобы удовлетворить жаждущих перемен, остальные довольствуются своим положением. Жизнь налажена достаточно, чтобы быть удобной.

И еще. Мир, в котором существуют наши герои – мир старый. В нем не забыта такая простая истина, такое богатство, такая опора общества, как семья. О ней и пойдет речь. Повествование продолжит описание одной семьи.

...

Скромный дом на Заставной улице, в котором проживали супруги Ристли, был достаточно известен в Хардоне. Небольшой, почти квадратный по форме, он мало чем отличался от своих соседей. Так же, как у других, стены дома утопали в зелени, также неширокий палисадник отделял его от узкой, тихой улочки, также позади находился сад. Дом был двухэтажным. Внизу – две большие комнаты, за которыми располагались хозяйственные помещения, наверху – четыре комнаты поменьше – вот и все, что составляло его нехитрую планировку. Обстановка не отличалась роскошью, но свидетельствовала о достатке обитателей. Мебель была добротной и удобной, утварь, хотя и не изысканная, смотрелась достаточно красиво.

Семья Ристли сделалась известной не благодаря активному участию в жизни хардонского общества. В этом доме не устраивались приемы и не происходили музыкальные вечера. Супруги не стремились привлечь к себе внимание частыми зваными обедами или организацией пикников.

Зато в их дом стекались все, кто нуждался в понимании и сочувствии. Зато сюда приходили те, кому нужна была помощь или защита.

Если трудно перенести горечь утраты, если сил нет терпеть семейный разлад, если сердце терзает страх потерять

любимого, то за советом, за утешением шли к Ровине Ристли. Ровине уже исполнилось сорок. Она была невысокой и стройной, светлые волосы свои носила аккуратно собранными сзади. Возраст добавил морщинок к ее серым глазам, но не смог затенить излучаемый ими свет. Ясные, лучистые глаза освещали простое, невыразительное лицо, делая его почти красивым. Ровина принимала любого, юного и неюного, близкого и неблизкого, выслушивала, сострадала, искала, чем помочь.

Но если простого вдумчивого разговора было недостаточно, если для оказания помощи нужно было действие, если необходимо было что-то найти, разузнать, о чем-то договориться, а, может, и пригрозить, то на сцену выступал муж Ровины.

Хорвину Ристли перевалило за сорок. Он находился в том возрасте мужского расцвета, когда тело еще хранит свою силу, но юношеский пыл и страсть уже сменили опыт и холодный расчет зрелости. Он был смуглым, черты лица имел резкие, что, в совокупности со строгим, внимательным взглядом темных глаз, придавало его облику суровость, изредка смягчаемую приветливой улыбкой. Среднего роста, худощавый, с первого взгляда он не казался сильным, но это впечатление быстро менялось, стоило присмотреться к его скупым, отточенным движениям, твердой походке, ощутить на себе крепость его рукопожатия.

Хорвин и Ровина Ристли были теми противоположностями-

ми, что так удачно сочетаются вместе. Суровость и жесткость с одной стороны компенсировались мягкостью и добротой с другой, сдержанность в проявлении чувств у Хорвина контрастировала с открытостью и душевностью его жены.

Сказать о Хорвине и Ровине, что оба они любили друг друга, было бы сказать слишком мало. То чувство, что связывало этих двоих, нельзя было назвать просто любовью. Каждый не представлял себя без другого, они жили дружно и слажено, и в жизни их не было места пустым размолкам. Когда оба были моложе, а страсти, будоражащие кровь – ярче, случалось, что трения между ними колебали семейный корабль. Но с тех пор миновало много времени, и оба давно уже пришли к согласию, они научились ценить друг в друге лучшее и принимать недостатки другого без раздражения.

Рассказ об этой паре был бы неполным, если бы мы не упомянули о главной ценности этой семьи.

Юлита... Первый весенний цветок на проталине, хрупкая пичуга в ладони, яркий свет в окошке – вот что была Юлита. Единственная дочь...

...

Хардон был одним из тех эретрийских городов, начальный путь которых теряется в глубине времен. Не сохранилось воспоминаний о том, как маленькое поселение на берегу лесистой речки Сарды росло, ширилось, принимало суда,

следующие по старинному южному торговому пути, отвоевывало у леса новые земли. Вот город перекинулся на другой берег, вот первый мост связал обе стороны в единое целое, вот взметнул ввысь свои белые стены величественный Никольский собор – ныне старейшее здание города.

Никольский собор стоял на Вороньей горе – самой высокой точке Хардона. Отсюда хорошо была видна Ратушная площадь, можно было разглядеть ряды двух-трехэтажных домов, составляющих хардонский центр, виднелась узкая полоска реки, за которой, уже теряясь в зеленоватой дымке, просматривались особняки хардонской знати, тяготевшей к левому берегу Сарды.

Широкая лестница, степенно спускаясь от собора вниз, приводила к бульвару – обычному месту для прогулок хардонцев. Стоя у верхней ступеньки, Айтон Дарагон задумчиво смотрел вниз, но начинать спуск не торопился. Казалось, открывающийся перед ним вид заворожил его.

Но я не хочу сказать, что Айтон был поэтической личностью, и красота пейзажа нашла отклик у него в душе. Нет, он не был способен оценить ни прелесть юной весенней зелени, легкой дымкой оплетавшей стрелки тополей, ни стройный силуэт и величие старины взметнувшейся ввысь ратуши, ни манящую голубизну отрывающихся перед ним далей. Наш герой думал о другом.

Этот город был для него уже шестым. Ни в одном из мест Дарагон не задерживался надолго, и обычно отъезд его со-

проводился скандалом.

Статный, удачно сочетающий в себе и крепкое сложение, и гибкость, Айтон привлекал внимание сразу. Но среди товарищей его выделяли не сила и не ловкость. Его отличала неистовая, бьющая через край энергия. Именно благодаря этому, благодаря тому неустойчивому напору, с которым он стремился к поставленной цели, Айтон Дарагон неизменно оказывался в первых рядах. Удачливость вызывает уважение, и Дарагон добивался его.

Но уважаемый другими, Дарагон не умел отвечать тем же. В своих товарищах Айтон видел лишь соперников, тех, кого ему надо одолеть, тех, над кем он стремится возвыситься. Он не только не был способен считаться с интересами других, но, напротив, вид чьей-то неудачи вызывали в его душе какой-то странный восторг, неистовое упоение чужой болью.

Еще во время обучения в кадетском корпусе он случайно стал свидетелем, как один из приятелей присвоил казенные деньги. Дарагон долго преследовал виновного намеками. Он не стремился добиться этим какой-либо цели, он не вымогал у приятеля деньги, не пытался как-то использовать полученное знание. Ему нужно было одно — испытать чувство власти над несчастным, насладиться видом его терзаний. Когда виновный, не выдержав преследования, сознался, Дарагону удалось вывернуться только тем, что он никогда явно не давал понять, что шантажирует преступника. Положение Айтона в кадетском корпусе пошатнулось, но успехи, которых

он достиг к тому времени, позволили ему удержаться и закончить обучение.

На первом месте службы он продержался больше двух лет – достаточно долго. Дарагон стремился тогда занять свое место в жизни. Он учился. Он только осваивался, овладевал умениями, что необходимы военному. В этот период он еще пытался приглушать свой неистовый темперамент, он был еще способен присматриваться к другим, чтобы перенять лучшее. Но стоило Дарагону ощутить себя твердо стоящим на ногах, сдерживающих факторов для него не осталось. Теперь он был способен на все.

Поводом для перемены места послужила история с Веле-сом Маринеути, одним из его товарищей. Маринеути однажды довелось пойти против желания Дарагона. Этого Айтон не простил. Он вставал на пути Маринеути в любом его начинании, он преследовал того насмешками и издевками, он практически организовал травлю своего бывшего товарища. Он не оставлял его в покое, пока несчастный окончательно не пал духом. Маринеути вынули из петли. Тогда общественное мнение, до сих пор бывшее на стороне Дарагона, развернулось против него. Дарагон не пытался восстанавливать внезапно утраченные позиции. Он просто уехал.

Крошечный провинциальный городок, ставший следующим местом службы, быстро Дарагону наскучил, и он сам добился нового перевода в более крупный город. Здесь он задержался подольше. От этого места службы у Айтона оста-

лись воспоминания о его связи с графиней Корнелески.

Графиня была богатой вдовой. И богатство ее, и высокое положение позволяли ей, пренебрегая общественным мнением, открыто держать любовника. Положение любовника графини было престижным, и немало как юных офицеров, так и отличавшихся приятной наружностью штатских мечтали занять это место.

Обратил сюда свои взоры и наш герой. То, что у графини уже был свой избранник, не только не остановило, но даже подстегнуло его. Айтон любил приобретать врагов. Он любил торжество победы. Любил пускать в ход изобретательность. Любил давать выход своей жестокости, ибо не считал возможным поступать с друзьями так, как поступал с врагами. В борьбе с врагами он не ведал запретов.

Айтон нашел способ вызвать своего соперника на дуэль. К тому времени он уже достаточно хорошо владел оружием, чтобы быть уверенным в победе. Во время поединка он метил противнику в голову. Он намеривался соперника убить, но промахнулся совсем немного: выпущенная пуля попала противнику в рот, выбив два зуба и повредив горловые связки. Соперник Айтона остался жив, но полученные увечья сделали его смешным. Графиня оставила его, чтобы обратить свое внимание на одержавшего победу.

Айтон добился своего. Некоторое время он торжествовал. Однако вскоре настроение его переменилось. Попад под власть капризной богачки, наш герой ощутил себя потеряв-

шим свободу. Эта связь навсегда отучила его от желания становиться чьей-либо игрушкой. Айтон решил разорвать сложившиеся отношения.

Но прежде, чем он успел это сделать, у него появился новый соперник. Соперник был юн, строен и белокур. Он умел выразительно читать стихи и хорошо танцевал. Он противостоял Айтону в той области, в которой тот не был силен. Позволить ему одержать над собой вверх Айтон не мог. Соперник должен был быть наказан.

Подкараулив юношу в темном переулке, Айтон оглушил его и оттащил в находившийся неподалеку кабачок. Отнеся с помощью кабатчика юношу в подвал, Айтон дождался, пока тот придет в себя, и сообщил, что он никогда отсюда не выйдет. Насладившись ужасом несчастного, Айтон ушел, оставив своего пленника в заточении. С кабатчика он взял обещание, что тот освободит заключенного не раньше следующего утра.

Не дожидаясь, пока эта история делается достоянием гласности, Дарагон стал хлопотать о своем переводе в новое место. Его Айтону пришлось покинуть после описанной дуэли с Эфри Стиганом.

Мне бы хотелось, вылавливая некоторые эпизоды из прошлого нашего героя, рассказать о нем и что-нибудь хорошее. Но мне нечего рассказывать. Айтон никому не помог, никого не защитил, ничью жизнь не сделал светлее. Он был слишком поглощен собой, чтобы замечать других. Он получал

удовлетворение, когда унижал, а не когда одаривал. Единственное, что могу сказать в его оправдание, это то, что пострадавших от его руки было значительно меньше, чем людей, вовсе не попавших в орбиту его внимания.

Очередным местом службы нашего героя стал Хардон. Айтон Дарагон провел здесь уже больше двух месяцев.

...

Внимательно оглядывая расстилающийся перед ним пейзаж, Айтон думал, что Хардон не лучше и не хуже любого из городов, в которых ему довелось служить. Городу не доставало блеска, но все необходимое здесь было. Любое следующее место, куда его направят, могло оказаться лучше, а могло и значительно хуже. Так стоит ли уезжать отсюда? Не пора ли остановить свой бессмысленный бег? Ему двадцать шесть, а у него по-прежнему ни кола, ни двора, и носит его по свету без смысла и удовлетворения.

Вот только за что зацепиться, чтобы укорениться, в этом ли, в другом каком-либо уголке. Ведь у него за душой нет ничего, кроме обычного армейского жалования, которого ему, как и всем, не хватает. Пытаться выслужиться, сделать военную карьеру, занять высокое положение и жить на заработанный доход? Выслуживаться, значит, принять стройную логику армейских отношений, вписаться в четкую систему иерархии, занять в ней положенное место и, стро-

го исполняя распоряжения одних, нести ответственность за других. Подобный путь никогда Айтона не привлекал. Положение низшего офицерского чина с несложным кругом обязанностей и вольницей в остальном отвечал его духу значительно больше.

Но тогда оставалось только одно, путь, которым всегда стремились воспользоваться малоимущие, подобные ему. Этот путь – выгодная женитьба.

Завидев неспешно поднимавшегося на смотровую площадку молодого человека, Айтон махнул рукой, привлекая к себе внимание. Тот сразу подошел. Он был худ и длинен, волосы имел рыжие, тонкий нос торчал на лице, как спица. Узкое лицо его не выглядело красивым, но не было и отталкивающим. Может, этому способствовали веселые веснушки, горстью брошенные на переносицу, а, может, подвижные тонкие губы, всегда готовые растянуться в приветливую улыбку. Звали молодого человека Гэмфри Холт.

Гэмфри считал себя приятелем Айтона, и тот никогда не пытался этого опровергнуть. Как и всегда, на новом месте Дарагон быстро обрстал друзьями. Одних подкупала исходящая от него жизненная сила, других восхищала его удачливость, третьих привлекал изощренный, затейливый ум. И пока какая-нибудь жестокая выходка не заставляла знакомых отвернуться от него, Айтон занимал то положение в обществе, к которому всегда и стремился – он верховодил.

Остановившись у края широкой лестницы, приятели за-

говорили. Они обсудили последние новости и предстоящий бал. Они вспомнили подробности состоявшихся на прошлой неделе скачек и поговорили о достоинствах лошадей. Но вскоре Айтон повернул разговор к интересующей его теме. Он спросил, есть ли у его приятеля на примете состоятельная невеста.

Гэмфри задумался.

Подходящих кандидатур было не так уж много. Он вспомнил госпожу Сорелли.

– Госпожа Сорелли? – Айтон пренебрежительно махнул рукой. – Да ей скоро сорок. Большой интерес брать в жены старуху!

– Зато у нее денег куры не клюют, – возразил Гэмфри. – И она будет не прочь ими поделиться.

– Ну, уж нет! Женитьба должна приносить не только доход, но и удовольствие.

– Ну, если тебя интересует молодая девица с хорошим приданным, – потянул Гэмфри, – то можешь обратить внимание на барышню Кончито. Ей досталось неплохое наследство от бабушки, и теперь у нее вполне приличный годовой доход. Она еще достаточно молода, по крайней мере, не старше тебя.

– Все это так, но барышня Кончито страшна, как смертный грех. Я же говорил тебе, что не собираюсь продавать себя только за деньги.

– Все и хорошенькие, и состоятельные давно уже пристро-

ены. Ты думаешь, ты один интересуешься невестами как состоятельными, так и привлекательными.

– И что, нет никого на примете?

– Думаю, твоим требованиям удовлетворила бы Мализа Ириней, но она уже сосватана.

– Мализа? Погоди-ка! Это не та высокая шатенка, что пела на последней вечеринке?

– Да, это она. Но, говорю же тебе, у нее уже есть жених.

– Жених – проблема небольшая, – задумчиво пробормотал Айтон. – Но, пожалуй, я не буду ввязываться. Мне не понравилась эта девица. Через чур заносчива.

– Тебе не угодишь.

Айтон пожал плечами.

– Может, тебя бы устроила барышня Ходлисон?

– Ходлисон? А что за ней дают?

– Приданное ее невелико, но ей предстоит унаследовать поместье за родителями.

– А пока, в ожидании этого, предстоит перебиваться с хлеба на воду?

– Ну, не так мрачно, определенный доход у вас будет, но главное состояние впереди.

Айтон покачал головой.

– Нет, такой вариант меня не устраивает.

Было нечто мерзкое в этом циничном перебирании кандидатур, но Гэмфри этого не замечал. Таково было влияние натуры Дарагона, он мог увлекать людей одной лишь силой

свой личности. Торг продолжался. Дарагон рассмотрел и отверг еще несколько предложенных ему вариантов. Фантазия его приятеля истощилась.

Между тем, по лестнице поднимались три девушки. Прервав разговор, приятели стали следить за их передвижениями. Одна из девушек, чуть полноватая блондинка с добродушным выражением на широком лице, в ответ на приветствие молодых людей вежливо присела. Вторая, довольно высокая, темно-русая, с задорно вздернутым носиком и веселым блеском зеленых глаз, лукаво улыбнулась и направилась к ним. Третья, маленькая худенькая брюнетка, держалась в стороне.

Гэмфри вступил в разговор. Две девушки охотно поддерживали беседу, третья молчала. Айтон разглядывал всех троих оценивающе.

Когда, простившись, девушки оставили молодых людей и пошли по направлению к собору, Айтон проводил их задумчивым взглядом. Обернувшись к приятелю, он спросил, не представляет ли интереса какая-нибудь из них. Гэмфри пожал плечами.

– Тора Дорвида, полненькая, вряд ли тебя заинтересует. В ее семье трое девиц на выданье, и отец не может дать приличное приданное каждой. Что касается Харизы Зальцер, то я просил бы не рассматривать ее кандидатуру. Я сам в ней заинтересован.

Дарагон поднял брови:

– Вот как! И что, этой девицей действительно стоит заинтересоваться?

– Говорю же, Хариза занята! – с досадой повторил Гэмфри. – Но вряд ли она тебе подойдет. У ее отца приличный доход, но большая его часть достанется сыновьям.

– Ладно, не кипятись, – сказал Айтон примирительно. – Нет, так нет!

Он отвернулся от девушек и стал смотреть на расстилающуюся перед ним панораму. Ветерок чуть колебал стрелки протянувшихся строгой линией тополей. Лента реки отдавала серебром.

– Да, там была еще третья девушка, – поговорил вдруг Айтон. – Не могу припомнить, как ее зовут.

– А эта... – Гэмфри рассмеялся. – Ее имя Юлита Ристли. Ну что ж, она отвечает по крайней мере одному из твоих требований. Она действительно красива.

– Да, она хороша! – согласился Айтон. – Но, по всей видимости, бедна, как церковная мышь?

– Не совсем так. Отец ее дослужился до начальника департамента и имеет вполне приличный заработок. Но он много тратит на благотворительность, и живут они небогато. Но есть одно обстоятельство...

Айтон живо повернулся к приятелю.

– Какое обстоятельство?

– На имя девушки положен капитал. Она сможет распоряжаться им, когда ей минет восемнадцать.

– Судя по ее виду, ждать этого не больше года.

– Не знаю точно, но может быть...

Айтон посмотрел в сторону собора, в котором скрылись девушки.

– Ну что ж! – подытожил он. – Из всех вариантов, о каких я сегодня слышал, этот наиболее приемлемый.

– Не знаю, не знаю... – потянул его приятель. – Юлита – своеобразная девушка. Она чрезвычайно застенчива. Никому еще не удавалось пробиться сквозь ее броню и приручить.

Но Айтон лишь усмехнулся:

– За этим дело не станет! – самоуверенно сказал он. – Я сумею ее расшевелить!

Глава 3

Приезд ровининой кузины, как всегда, был внезапен. Перед калиткой остановилась почтовая карета, из нее выпорхнула Элиса и уверенно направилась к дому. Весело улыбаясь, она обнимала поспешивших ей на встречу родных и говорила, не останавливаясь:

– Ну вот, я снова с вами! Боже, как я рада! Спасибо, доехала хорошо. Нет-нет, у меня все по-прежнему. Просто я соскучилась, очень-очень соскучилась! Села в карету и поехала к вам. Да-да, как и обычно! Ровина, ты хорошо выглядишь! Это платье тебе очень идет. А ты, Хорвин, как всегда, озабочен! Юлиточка, милая! Ты все хорошеешь и хорошеешь!

Несмотря на свои сорок с лишним Элиса все еще была привлекательна. Конечно, возраст сделал ее совершенные черты чуть расплывчатыми, слегка расширил талию и сделал мягче и округлее точеные плечи. Но глаза ее сохраняли прежний блеск, и она по-прежнему с гордостью несла свою черноволосую голову.

Слушая ее излияния, Хорвин хмурился. Вот уже многие годы он принимал серьезное участие в судьбе своей свояченицы, но частые визиты Элисы стали вызывать у него тревогу. Владевшее Хорвином напряжение не прошло мимо внимания его жены.

– Тебя что-то беспокоит? – спросила она, едва они остались одни. – Это Элиса? Или нечто иное?

Хорвин нетерпеливо расхаживал по комнате. Устроившаяся в кресле с шитьем Ровина смотрела на мужа.

– Меня беспокоит Юлита, – ответил Хорвин.

– При чем здесь она?

– Ты прекрасно понимаешь.

– Нет, не понимаю, – серые глаза Ровины смотрели спокойно.

– Все будет происходить, как и во время прежних визитов Элисы. Она будет вовлекать Юлиту в ту активную светскую жизнь, какую привыкла вести сама.

– Не вижу в этом ничего дурного! – возразила Ровина. – Нашей дочери полезно приобщаться к обществу. Затворнический образ жизни, к которому она имеет склонность, не сулит ничего хорошего.

– С этим я соглашусь, но Юлита слишком молода и неопытна. Ее легко ввести в заблуждение, ее легко обидеть. Элиса сама слишком легкомысленна и беспечна, она – не тот наставник, который мог бы уберечь нашу девочку от беды.

– Ты считаешь, что приобщать нашу дочь к общественной жизни должен был кто-то из нас?

– Без сомнения! Я взял бы на себя эту роль, но я планировал начать позже и более осторожно, постепенно знакомя ее с новыми людьми. Но теперь мы оба опоздали. Наша скромная и застенчивая девочка уже введена в самые беззастенчи-

вые и разнузданные круги.

Вздыхнув, Ровина опустила глаза на свое шитье. Она хорошо знала особенности дочери и разделяла тревогу мужа. Оба родителя, каждый по-своему, помогали девушке преодолеть и робость, и излишнюю чувствительность. Мать заботой, лаской, участием пыталась приободрить дочь, отец, напротив, стремился закалить ее суровостью и строгим обращением.

Была и другая сторона в происходящем, и касалась она отношений, что сложились у Юлиты и ее тети. Ровина предпочла свернуть разговор к этой теме.

– Что поделаешь! – заметила она. – Я понимаю, почему моя кузина так поступает. Она желает нашей девочке добра, вот и пытается делать то, что считает лучшим. Элиса очень привязана к Юлите.

Хорвин резко развернулся к жене. Глаза его сверкнули.

– Мне не нравится эта ее привязанность! – заявил он.

Ровина молча смотрела на мужа. Ясный взгляд ее вопрошал.

– Да, мне не нравится, что Элиса любит Юлиту! – отчеканил Хорвин. – У меня это обстоятельство вызывает серьезное беспокойство.

– Не думала, – медленно проговорила Ровина, – что чувство любви, которое пробудилось у Элисы, может вызвать беспокойство.

Хорвин не отводил глаз от лица жены.

– Вот именно! – отозвался он. – Пробудилось! Ты нашла верное слово. Когда Элиса оставляла своего ребенка нам, она не испытывала к нему никаких чувств. Она едва помнила о его существовании.

Ровина возразила:

– В обстоятельствах, в которых она тогда находилась, едва ли могло быть иначе. Ты прекрасно помнишь, как это было.

Хорвин медленно покачал головой.

– Я не могу не помнить! – Он горько улыбнулся. – Как я могу это забыть! Но я не осуждаю Элису. Я прекрасно понимаю, что для нее этот выход был наилучшим. И все же... – он сделал шаг к жене, – и все же, зачем ты постаралась обратить происшедшее вспять? Зачем ты снова и снова сводила Элису с ее дочерью? Зачем ты делала все возможное, чтобы в ней зародилась эта привязанность? Элисина любовь к Юлите – дело твоих рук!

– Да! – спокойно согласилась Ровина. – Но почему это вызывает у тебя такую тревогу?

– Потому что... – Хорвин вздохнул и посмотрел поверх головы жены, – потому что... – Тяжелая складка прорезала его лоб. – Потому что я жду, что Элиса захочет вернуть все назад.

Взгляд назад

Беспечное существование Элисы Котомак, красавицы, богачки, баловницы судьбы, с детства росшей в роскоши и вседозволенности, было оборвано в тот день, когда в ее же собственной комнате на нее набросился мерзавец отчим. Последствия случившегося Элиса осознала очень скоро. Она была поругана, обесчещена, и ребенок, которому предстояло появиться, стал бы свидетельством произошедшего перед всеми.

А это означало крах. Свет не прощал оступившихся женщин. Общество строго стояло на страже освященного церковью брачного союза, и ребенок, произведенный на свет вне брака, считался незаконным, а мать его становилась изгоем.

В поисках спасения Элиса уехала. Она сбежала из родного дома, где властвовал оскорбивший ее отчим, где от случившегося ее не смогли уберечь ни мать, приведшая в дом этого страшного человека, ни мягкосердечный дядя, не сумевший остановить его. Элиса бежала под защиту Ровины и Хорвина. Тогда она впервые обратилась к ним за помощью.

Элисино появление в маленьком доме на Заставной улице вызвало бурю. Роковое переплетение страстей, элисиных выходок и случайных обстоятельств едва не стало губительным для семейного союза Хорвина и Ровины.

В то время ярчайшим образом проявились обе грани

сложной натуры Хорвина: его доходящая до жестокости жесткость и его добросердечие. Для Элисы он стал и суровым мстителем, карающим ее за разрушение своей семьи, и, одновременно, надежным защитником, укрывающим ее тайну от всего мира. Две эти противоречивые роли схлестнулись в его душе, и в течение долгого времени не ясно было, какая часть натуры одержит в нем вверх: темная ли, стремящаяся уничтожить обидчика, или светлая, призванная защищать того, кто пришел к нему за помощью. Доброта и благородство победили. Они оказались сильнее настолько, что Элиса навсегда сохранила чувство благодарности своему суровому защитнику и смогла забыть, вычеркнуть из памяти всю ту боль, что он ей причинил.

Разрушенная семья Хорвина возродилась, а элисин секрет, не смотря на все перипетии, был сохранен. Когда Элиса родила девочку, супруги Ристли взяли ее себе. К тому времени потерявшая ребенка Ровина уже знала, что больше не сможет иметь детей. Признать дочку кузины своей собственной для Ровины было наилучшим выходом. Для Элисы тоже.

Элиса добилась желанного. В глазах общества она оставалась незапятнанной. Ничто не связывало родившегося ребенка и ее. Теперь оставалось одно – найти человека, который согласился бы принять Элису такую, какая она есть, не сохранившей свою чистоту.

И такой человек нашелся. То был старинный друг Хорви-

на. Имя его было Дарти Гардуэй.

...

Когда Элиса вновь увидела свой дом, она была потрясена. Прекрасный особняк в Ортвейле с его радующими глаз розовыми стенами, с изящной ротондой по центру, со стерегущими вход грозными драконами изменился до неузнаваемости. Роскошные прежде залы несли в себе след проходивших здесь разнузданных оргий, бросались в глаза то разбитое зеркало, то покореженный светильник, то изуродованная статуэтка с отколотой изящной ножкой. Портьеры выглядели оборванными, ковры – истертыми, люстры – поврежденными. Отсутствовали знакомые вещи. Не хватало мебели: здесь не было столика с витыми ножками, там пропал старинный резной секретер мореного дуба, со стен исчезли многие картины. Не хватало канделябров, исчезли вазы, не доставало той тысячи мелочей, что заполняет каждый дом, составляя его очарование и уют.

Элиса в растерянности бродила по комнатам. Теперь, когда ее обидчика-отчима уже не было в живых, когда случайная пуля, выпущенная в потасовке пьяной рукой, оборвала его никчемную жизнь, Элиса надеялась, что она сможет снова здесь жить. Но возврата назад не было. Того дома, в котором прошли ее детство и юность, больше не существовало, он был изуродован и опорочен.

Изменился не только дом. Неузнаваемой сделалась и ее мать. Вместо беспечной, легкомысленной, громогласной женщины Элиса увидела женщину потерянную и притихшую. Женщину, которая не знала, как дальше жить. В потускневших глазах матери застыло недоумение, ее бывая краса померкла, а движения сделались вялыми и неуверенными.

Элиса никогда не была особенно близка с матерью, в годы беспечного достатка та была слишком занята собой и мало помнила о дочери. Но теперь, когда в облике матери явственно читалось следы быстро приближающегося угасания, Элисе сделалось жутко. С потерей матери она утрачивала опору.

И дядя, тот единственный мужчина, что оставался в доме, на чьих плечах лежали все заботы об их благополучии, он тоже выглядел и озабоченным, и печальным. Господин Котомак поделился с племянницей своими сомнениями. Состояние элисиной матери по большей части было растрчено ее последним мужем, состояние самого господина Котомака было не столь значительно, и его явно не доставало, чтобы содержать огромный особняк.

– Если бы ты, Элиса, поселилась здесь со своим мужем, нашего совместного капитала хватило бы, чтобы привести все в порядок. Но если вы не захотите жить в Ортвейле, я вижу только один выход – продавать особняк и поселиться в доме более скромном.

Элиса поежилась. Мысль о том, что родной дом совсем

прекратит свое существование, что здесь поселятся чужие люди и заведут свои порядки, обдало ее сердце холодом.

– А иного выхода нет? – спросила она.

– Иного выхода я не вижу. Если ты и твой муж не захотите помочь, мы не справимся.

– И что же тогда? – печально спросила Элиса.

– Ну, что тогда... Уедем в Лийск, в мое поместье. Большую часть жизни я прожил там, почему бы мне туда не вернуться. Ты не беспокойся, Элиса, – добавил он, видя, что в глазах его племянницы сохраняется сомнение. – О твоей матери я позабочусь. После всего случившегося ей нужны тишина и покой. В Лийске она получит это в полной мере.

Элиса никогда не бывала в Лийске, но Ровина много рассказывала ей, и Элиса представляла себе небольшой старый дом среди поросших липами и тополями холмов в маленьком убогом селении, где никогда ничего не происходит и время кажется остановившимся. Ей сделалось тоскливо.

– Я подумаю, – шепнула она. – Я поговорю с мужем.

...

Своего мужа она нашла в парке. Парк сохранился лучше, но и в нем ощущалась неухоженность. Дарти стоял у балюстрады. С этого места открывался вид на пруд с его прихотливо изрезанными берегами, с полощущими ветви в воде плакучими ивами. На другом берегу поднимал ввысь свои

стены изящный голубой павильон.

Расслышав за спиной быстрые шаги жены, Дарти обернулся.

Он был привлекателен. Высокий, стройный блондин, он красиво смотрелся и на коне, и в бальном зале. Шапка мягких, вьющихся волос окружала тонкое выразительное лицо, волосы скрывали единственный изъян в его внешности – изуродованное еще в юности ухо. Мягкие, исполненные грации движения выгодно выделили его среди собратьев по полу, более приземленных и грубых. Но особенно притягательны были глаза: ярко голубые, светлые, ясные, они привлекали присущим им выражением жизнерадостности и душевности.

Внимательно выслушав сбивчивый рассказ жены, Дарти задумчиво покачал головой.

– Что ж, если тебя больше привлекает Ортвейл, давай поселимся здесь, – медленно проговорил он. – Уверен, если мы захотим, то сможем вернуть жизнь в это печальное место. Но хочешь ли этого ты?

– Я и сама не знаю... – потянула Элиса. – Мне хочется возродить свой дом, и все же... Я не понимаю, как это объяснить...

– Здесь слишком многое напоминает о плохом? – подсказал Дарти.

– Да, слишком много тяжелых воспоминаний. Может, лучше уехать? Как ты думаешь? Может, на новом месте мне

будет лучше?

– А твои родные?

– О! – Элиса махнула рукой. – Они смогут устроиться. Дядя объяснил мне. У него есть собственное поместье. Он жил там раньше, пока не переехал к нам после смерти моего отца.

– Ну, если твоим родным есть, где поселиться, остается понять, где хочешь жить ты?

– Я не знаю...

Элиса медленно окинула взглядом пруд, окруженный ивами и тополями, горбатый мостик напротив, отражающийся в воде голубой павильон. В глазах ее плескалось сомнение. Дом, бывший когда-то родным, вызывал слишком горькие воспоминания, к ним добавлялись печальные мысли о том, что мать ее предала, а дядя не сумел защитить. Было и еще одно обстоятельство. Интуитивно Элиса ощущала, что в жизни, что она вела здесь, не хватало чего-то неуловимого, но очень важного – не доставало той душевности, к которой она приобщилась в доме Ровины с Хорвином.

– Скажи, – спросила она, – а этот твой дом, в Кардаполе, он большой?

– Не настолько, как этот особняк, но достаточно велик.

– А он красив?

– Я нахожу его красивым.

– Как ты думаешь, мне будет там хорошо?

– Я уверен в этом.

Голос у Дарти был тихий и мягкий, и когда он говорил, то речь его, то плавная и неспешная, то живая и выразительная, завораживала.

– Тогда... – Элиса снова обвела взглядом расстилающийся перед ней хорошо знакомый пейзаж. – Тогда... Тогда уедем отсюда! Я хочу начать новую жизнь!

Глава 4

С тех пор, как Элиса поселилась в доме мужа в Кардаполе, миновало много лет. Она больше не бывала в Ортвейле. Она не пыталась возродить старые воспоминания. Скромный Лийск, где доживали свой век ее мать и дядя, тоже ее не привлекал. Но в Хардоне Элиса гостила часто.

Элиса не забыла, что именно Ровина и ее муж в трудную минуту пришли ей на помощь, что только благодаря ним Элиса может смотреть людям в глаза, может жить свободно, не опасаясь, что постыдная тайна опозорит ее.

Но не только чувство благодарности приводило Элису в Хардон. Она давно уже нуждалась в том тепле и участии, которое она неизменно получала в семье своей кузины, ей нужны были и Ровина с ее внимательностью и лаской, и Хорвин с его суровым сочувствием. С какого-то момента Элисе стала нужна и Юлита.

Юлита была похожа на свою родную мать и, одновременно, не похожа. От Элисы она унаследовала правильные черты лица, черные прямые волосы и темный цвет глаз. Однако все, что у матери выглядело ярким, броским, выставленным на показ, у дочери казалось скромным и едва заметным. Элиса была высокой и статной, Юлита – маленькой и худенькой. Щеки Элисы сверкали румянцем, Юлита была бледной. Руки и плечи Элисы были округлы, юлитины – угловаты. Даже

глаза Юлиты такие же большие, миндалевидные, как у матери, выглядели меньше из-за привычки прятать их под длинными ресницами.

Элиса пыталась научить Юлиту тому, что хорошо умела делать сама – всеми возможными способами привлекать к себе мужское внимание. Но присущая девушке болезненная застенчивость делала ее уроки бесполезными.

Однако в последний приезд Элису ожидала хорошая новость – она узнала, что у Юлиты появился поклонник.

...

Айтон Дарагон взял Юлиту на абордаж, не обратив внимания, даже не заметив испытываемых девушкой чувств неловкости и стеснения. Айтон вел себя по принципу: «Вот ты, вот я, я выбрал тебя, ты теперь моя». Юлита покорилась. Обычную скованность вскоре сменило новое для нее ощущение успокоения. Ее выбрал самый энергичный, самый ловкий, самый смелый из всех окружавших ее молодых людей. Она чувствовала себя под его защитой.

– Юлита, скажи мне, как имя того молодого человека, что я несколько раз видел рядом с тобой? – голос отца звучал серьезно, а его темные глаза внимательно смотрели на девушку.

Бледные щеки Юлиты залил румянец. Она еще ниже склонилось над своим шитьем.

– Я жду ответа.

– Его зовут Айтон Дарагон, – ответила Юлита тихо.

– Что тебе известно о нем?

Водившая иглой рука девушки замерла. Она робко посмотрела на нахмуренное лицо отца и снова опустила голову.

– Очень немного, – проговорила она. – Господин Дарагон только недавно был переведен в наш город.

– Откуда он прибыл?

Юлита молча смотрела на свое шитье. Хорвин повысил голос.

– Юлита, я хочу знать. Откуда он прибыл?

Юлита склонилась еще ниже.

– Я не знаю... – ответила она еле слышно.

– Ах, Хорвин, ну разве можно быть таким несносным? – вмешалась в разговор Элиса. – Ну что ты привязался к девочке? Разве ты не видишь, что ей неприятны твои расспросы?

Досадливо нахмурившись, Хорвин повернулся в ее сторону. Пока Юлита с матерью занимались рукоделием, Элиса, устроившись на софе, перебирала вышивки.

– Хочешь узнать об этом Дарагоне, спроси у меня, – продолжала болтать она, разглядывая затейливый узор из переплетенных лилий и незабудок. – Я уже с ним познакомилась.

– Вот как, – отозвался Хорвин сухо.

– На меня он произвел благоприятное впечатление. Он статный, довольно интересный, хорошо держится, сразу ви-

ден настоящий мужчина.

Хорвин покачал головой и прошелся по комнате.

– И что еще ты можешь добавить? – спросил он, останавливаясь против свояченицы.

– Он хорошо держится в седле. На недавних скачках он пришел первым. Говорят, он хорошо стреляет.

– Что-нибудь еще?

– Как я слышала, он заключил пари, что пройдет по карнизу между окнами третьего этажа. И, представь себе, он выиграл.

Губы Хорвина тронула скептическая улыбка.

– Еще что-то?

– Он со многими знаком, не пропускает ни одного мероприятия...

– Это все?

Элиса пожала плечами.

– Разве этого мало?

– Для того, чтобы произвести впечатление – достаточно, – отрезал Хорвин. – Но не для того, чтобы понять, что он за человек.

Не вступая в разговор, Ровина переводила взгляд с лица мужа на лицо дочери. В глазах у нее была тревога.

...

Между Ровиной и Хорвином давно сложилось то понима-

ние, слова для которого не обязательны. Ровина сразу ощутила, что мужа снедает беспокойство. Не считая возможным начинать разговор при дочери и кузине, она предпочла дождаться, пока они с мужем останутся наедине, и только тогда задала волнующий ее вопрос:

– Ты встревожен новым знакомством нашей дочери?

Хорвин согласно наклонил голову:

– Да, ты права, я беспокоен.

– И беспокоен ты из-за этого молодого человека, Айтона Дарагона?

– Да, Ровина, из-за него.

Они оба находились в ровининой комнате. Хорвин устроился в кресле. Присев возле туалетного столика, Ровина машинально перебирала лежащие на нем мелочи,

– Разве не хорошо, что нити, связывающие Юлиту с обществом, окрепли? – спросила Ровина.

– Не думаю, что это так, – возразил Хорвин. – Укрепляется ее связь не с обществом, а с этим конкретным ее новым знакомым.

Ровина повернулась к мужу.

– Но почему этот молодой человек вызывает у тебя тревогу?

– Ты его видела?

– Нет. Только слышала о нем от Харизы Зальцер.

– И что тебе известно?

– Примерно то же, что говорила Элиса. Он видный, энер-

гичный, привлекает к себе внимание. Сами по себе эти качества нельзя назвать отрицательными.

– Согласен. Но ты судишь об Айтоне Дарагоне с чужих слов, а я видел его собственными глазами. Мне не понравился его вид, не понравилось, как он держится, не понравилось, как он ведет себя с другими. Он смотрит на людей свысока, у него холодный, жесткий взгляд черствого и бездушного человека. Я бы даже сказал, что у него взгляд хищника.

– Но если это так, почему наша дочь ничего не чувствует? – возразила Ровина. – Почему такое обращение ее не отталкивает?

– Думаю потому, что Юлиту также, как и остальных, завораживает присущие ему сила и яркость. Все, что ты слышала о нем, соответствует действительности. Я видел его во время игры в поло. Он был самым активным, самым сильным из игроков в обеих командах. Это производит впечатление. Но меня насторожила его манера игры. Он идет напролом, он несется к цели, расшвыривая остальных, не видя вреда, который причиняет. Мне кажется, Дарагон принадлежит к типу людей, которые с легкостью переступают других.

Ровина покачала головой.

– По-моему, ты знаешь об Айтоне Дарагоне слишком мало, чтобы иметь возможность судить о нем.

– Согласен, быть может, я преувеличиваю. И все же, моя интуиция редко меня подводила.

Ровина попыталась представить свою дочь рядом с этим,

пока неведомым ей молодым человеком. Она понимала, что предположения мужа не имеют под собой твердой почвы, но его беспокойство передавалось ей все больше.

– Ты боишься, что намерении Айтона Дарагона бесчестны? – спросила она. – Что он намеревается соблазнить нашу дочь?

– О нет, – сказал ее муж, – я опасаюсь как раз обратного. Бесчестным намерениям Юлита смогла бы противостоять. Но перед намерениями честными она может оказаться беззащитна.

Ровина встретила с мужем взглядом.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она тихо.

– Я опасаюсь, что этот Айтон Дарагон задумал жениться на нашей дочери.

Ровина поднялась. Тревога холодной иглою прошила ей сердце. Подойдя к окну, она вгляделась в затуманенное стекло. Вечерняя тишина уже спустилась на землю. Голубые сумерки окутывали сад. Тени деревьев сплетались в причудливый рисунок на фоне темнеющего неба.

– Ты считаешь, этот брак может стать несчастьем для нашей дочери? – спросила Ровина.

– Я почти в этом уверен, – ответил Хорвин. – В супружество вступают один раз, потом нельзя будет ничего переменить.

Ровина обернулась к мужу.

– Но можно постараться приспособиться. Трения бывают

всегда, ты знаешь, и у нас они были. Но мы же смогли справиться.

Подойдя к жене, Хорвин осторожно обнял ее плечи.

– Что бы ни было в прошлом, наш с тобой брак был счастливым с самого начала. А мне кажется, что этот человек не способен принести счастье кому бы то ни было.

Они стояли, прижавшись друг к другу. Общие воспоминания накрыли их.

– Чтобы выжить в несчастном супружестве, – заговорил Хорвин снова, – нужны силы, и силы немалые, Ты же знаешь нашу девочку! В ней нет собственной жизненной энергии. Она, как плюш, что может виться только вокруг опоры. Если опора крепка, то и Юлита становится крепкой. А без опоры наша дочь увянет.

Ровинино лицо туманила печаль. Она прекрасно понимала, что муж имеет в виду.

– Родная мать Юлиты в браке была несчастлива, – продолжал Хорвин. – Ты помнишь, как все сложилось? Но у Элисы достанет и стойкости, и внутреннего огня. Наша с ней дочь совсем иная...

Глава 5

Взгляд назад

Первые полгода после женитьбы Дарти Гардуэй не замечал женщин вокруг себя. Эти очаровательные создания с их томной грацией, с их исполненными озорства взорами, с их улыбками, то нежными, то лукавыми, все они перестали для Дарти существовать. Всех их заменила одна – та единственная, которую он решился назвать своей женой.

Элиса вызывала в нем восхищение. Не только потому, что она была красива той яркой, вызывающей красотой, что не может оставить равнодушным ни одного мужчину. Высокая, стройная, хорошо сложенная брюнетка, она привлекала не этим. На овале ее лица, напоминающем своим совершенством точеные лица греческих богинь, выделялись огромные черные глаза. В них отражался дух Элисы. Ее глаза могли сверкать гневом или вдохновением, они заплывали томным удовольствием, они подергивались туманной дымкой грусти, они могли быть разными, но никогда не бывали равнодушными. В них бился огонь, огонь живой и подвижной натуры. Элиса окуналась в жизнь с воодушевлением, с неутолимимым желанием радости, со страстным стремлением успеть везде и увидеть все.

Вот они возвращаются домой после бала, и ни одна черточка на лице Элисы не отражает усталости после целой ночи, проведенной за танцами. Она настоятельно требует продолжения, и Дарти играет на рояле, а она вдохновенно кружится по комнате, и Дарти любит ее точными движениями.

Понесли лошади. Раскачиваясь и подпрыгивая на ухабах, коляска мчится по дороге. Пытаясь удержать взбесившихся рысаков, кучер стремительно натягивает поводья, но тут ремень лопаается, и коляска окончательно теряет управление. Закусив губу и низко пригнувшись, Дарти скачет сзади. Он не представляет, как остановить обезумевших лошадей, но ничего другого, как нестись за ними следом, ему не остается. Там, в коляске, находится его жена.

Никто не может сказать, сколько времени длится неистовая скачка. Но вот лошади замедляют свой бег, и кому-то из мчавшихся за коляской молодых людей удастся ухватить за болтающийся повод. Коляска стоит, накренившись. Спешившись, Дарти бросается к ней и останавливается, пораженный.

Элиса смеется. Ни потрясения, ни следа от пережитого страха нет на ее разгоряченном лице. Она радостно смеется, и огромные черные глаза ее горят торжествующим огнем.

Дамы затевают маскарад. Переодетые, они предстают перед зрителями-мужчинами по очереди, а те должны отгадать, кого скрывает костюм. Вот бойко марширует лихой гу-

сар, озорное личико которого прикрывают огромные усы, но у зрителей не остается сомнений, что это – юная графиня Дордиа. Вот томно проплывает Коломбина. Ярко раскрашенная маска делает неузнаваемыми черты ее лица, но движения выдают изящную Готелию Иради. Вот прокрадывается стройный разбойник, романтический плащ драпирует его фигуру, лицо скрывает огромная шляпа. Но и разбойник оказывается узнанным. Это – веселая озорница Корлели Бориски. И лишь одну героиню не сумел опознать никто. Нищая старуха-цыганка, грязная, сгорбленная, с трясущимися руками, что-то шамкающая кажушимся беззубым ртом так и остается не узнанной. И когда зрители признают свое бессилие, сгорбленный стан распрямляется, черты сморщенного лица разглаживаются, исчезает кутающий фигуру огромный серый платок и перед ними предстает смеющаяся Элиса.

Энергия была в Элисе ключом. Ее черные глаза горели огнем, вдохновляемым какой-нибудь очередной идеей. Она постоянно куда-то стремилась, она впитывала жизнь, как увлекательное приключение. Но незначительный эпизод, случайно брошенное слово, косой взгляд, и с ней происходила разительная перемена. Горевший огонь угасал, прекрасные глаза подергивались дымкой грусти, и перед Дарти оказывалась испуганная девочка, девочка одинокая и несчастная. В такие минуты Элиса была особенно близка Дарти. Всей душой он желал утешить ее, защитить, даровать успокоение, он желал этого и понимал, что не сможет этого сде-

лать. Ибо Дарти знал, знал с первого дня их семейной жизни, что именно он и будет главным элисиным обидчиком.

С той минуты, как он впервые осознал на себе действие женского очарования, Дарти оставался во власти этой страшной силы. Женщины влекли его, как влечет прохладная вода в душный и знойный полдень, они возбуждали в нем страсть, они будоражили его воображение и становились источником вдохновения. Перед этими чарами меркли прочие радости, поэзия философии, красота искусства, безыскусная прелесть природы, страсть азарта, все это отступало на второй план, когда в душе Дарти разгорался огонь нового увлечения.

...

Она слегка картавила, этот небольшой дефект делал ее речь мягче, что придавало Анастасии Годак лишь больше очарования. Частые колечки цвета меди ореолом окружали прелестную головку, что венчала чуть полноватый стан, точеные округлые плечи и свежий румянец говорили о хорошем здоровье, а прямой твердый взгляд выдавал сильную натуру.

Дарти не видел Анастасии больше двух лет, но когда встречал ее на набережной, внутри у него сразу обдало теплом, ему вспомнились их редкие встречи, полные пламенной чувственности и трепета. Когда Дарти с ней познакомился, Анастасия была не только замужем, но уже успела вку-

сать плоды тайной греховной любви. Именно такие женщины и давали Дарти возможность удовлетворить его страсть к прекрасному полу.

Оба они жили в эпоху господства жесткой морали, в эпоху четкого разделения «законной любви» и «любви греховной», той любви, что узами брака не освящалась. Общество строго следило, чтобы женщина блюла свою чистоту, никакие отношения до вступления в законный брак не допускались, и та несчастная, что осмеливалась нарушить этот запрет, из рядов общества изгонялась.

Как бы ни была прелестна девушка, каким бы огнем очарования ни сияли ее глазки, каким бы стройным ни был ее стан, как ни пленительна была ее походка, одного сознания, что совратив это юное создание, он обрек бы ее на мучительную жизнь изгоя, было достаточно, чтобы остудить в Дарти весь пыл. Однако сложившиеся веками традиции не были столь незыблемыми и давали достаточно свободы действий и для людей, подобных Дарти. Женщины, самостоятельно ступившие на скользкий и непростой путь тайного разврата, были для него доступны.

Анастасия шла ему навстречу, и Дарти сразу отметил, что взгляд ее широко посаженных прозрачных глаз зеленоватого оттенка прикован к нему. Он невольно залюбовался ее твердой, ровной походкой, округлым станом, гордо откинутой головой, что украшала изящная шляпка зеленого бархата. Дарти склонился в знак приветствия, но тут из-под драпи-

рующего статную фигуру плаща выскользнул платок и упал к его ногам. Дарти поспешно нагнулся. Легким наклоном головы Анастасия поблагодарила его и прошла мимо. Дарти взглянул на свою ладонь. На маленьком клочке бумажки, что остался у него в руке, мелким ровным почерком было написано всего несколько слов: «Кофейня „У пяти кленов“. 3 часа дня». Холодная игла пошла Дарти сердце. Мелькнула мысль: «Не стоит идти». Он посмотрел вслед удаляющейся стройной фигуре. Анастасия не оглядывалась. Походка ее оставалась столь же твердой и решительной, голову она держала так же прямо. Дарти вновь опустил глаза на записку. Он знал, что придет. Женщина позвала его, и отказаться он не сможет.

Со времени женитьбы Дарти прошло больше полугода, и те пылкие чувства, что он испытывал к жене, успели сделаться привычными. В жизни его стала ощущаться некоторая пресность, ему уже не хватало чего-то яркого и захватывающего. Однако с тех пор, как он занял солидное положение женатого человека, его прежние знакомые не пытались его тревожить. Привязанность Дарти к жене продолжала быть у всех на устах, и никто не торопился возобновить старые связи. Лишь Анастасия Годак повела себя по-иному.

...

Небольшая кофейня выглядела уютно. Несколько малень-

ких, крытых белыми скатертями, круглых столиков, еще пустые в этот ранний час, низкие своды, полукруглое окно, в которое можно было видеть ноги прохожих, запах кофе и свежих булочек, все это придавало свиданию аромат таинственности.

– А ты не изменился. Мне почему-то представлялось, что ты приобретешь некую представительность, солидность что ли. Но нет. Ты смотришься таким же мальчишкой, каким и был.

В широко посаженных глазах Анастасии поблескивали зеленые искорки.

– Не рановато ли мне претендовать на солидный облик, – улыбнулся Дарти.

– Все же ты вступил в брак. Да-да, не делай удивленное лицо. – Легкая улыбка скользнула по ее губам. – Слухи о твоей женитьбе достигли даже нашего захолустья. Я все пыталась вообразить, какая она, твоя избранница. Она должна обладать чем-то особенным, если ради нее ты согласился расстаться со своей свободой.

– Не думаю, что женщине может быть интересна другая женщина, – возразил Дарти. – Ведь любая из них – прежде всего соперница, а значит, в ней стремятся разглядеть не достоинства, а недостатки.

Его собеседница чуть прищурились.

– Пожалуй, это звучит слишком жестко, – потянула она задумчиво. – Конечно, я могу видеть в новоявленной госпоже

Гардуэй лишь соперницу, но я способна и трезво оценить ее. Вне всякого сомнения, ее можно назвать красивой женщиной, отрицать этого не сможет никто. Но я думаю, что большее впечатление на тебя произвела присущая ей живость, тот внутренний огонь, который сразу отличает ее от других. Остальные дамы кажутся бледной тенью рядом с ней.

Дарти нахмурился.

– Удивляюсь тебе, Анастазия. Когда ты успела так хорошо ее изучить. Давно ли ты приехала?

– Уже два дня. Но ничего удивительного нет. Едва я оказалась здесь, как сразу постаралась познакомиться с твоей супругой.

Тревога овладевала Дарти все больше.

– И что же двигало тобой. Простое любопытство? Или нечто иное?

На это Анастазия ничего не ответила. Дарти было неспокойно. Впервые со времени своей женитьбы он вел столь откровенный разговор с женщиной.

Анастазия задумчиво водила пальчиком по краю чашки. Так и не отпитый кофе отливал темным блеском. Она тоже была неспокойна, Дарти не мог этого не видеть. Причина ее тревоги была ему понятна: он хорошо знал обстоятельства жизни Анастазии Годак.

– Дарти, скажи честно, – по лицу Анастазии скользнуло облачко грусти. – Ты доволен своей участью? Ты ни о чем не жалеешь?

Дарти ответил быстро:

– Конечно, я ни о чем не жалею! – Но тут же поймав себя на мысли, что это звучит преувеличенно бодро, он добавил, – я понял, что не представляю себе жизни без Элисы, поэтому и только поэтому я женился на ней.

– Вот значит, как... Что ж. могу только порадоваться за тебя. Когда спутник жизни любим и отвечает взаимностью – это великое счастье. Не всем удастся его испытать, – опущенные ресницы не давали увидеть, что скрывается в глубине зеленых глаз, но Дарти хорошо слышал легкую дрожь в голосе своей собеседницы.

– Тебе надолго приехала? – спросил он.

– Не слишком. Осталось шесть дней. – Она вздохнула. – Всего шесть дней. Целых шесть дней...

Дарти понимающе кивнул.

– И под каким предлогом тебе удалось выбраться на этот раз?

Слабая улыбка тронула ее полные губы.

– Предлог примитивный, но вполне надежный. Я должна посетить зубного врача.

Он понимал, что скрывается за этими простыми словами. Анастасия вынуждена была выйти замуж рано. Преждевременная смерть обоих родителей, нужда, в которой очутилась она и ее младший брат, тогда еще ребенок, толкнули ее выйти за состоятельного соседа. Брак был неравным, Анастасия принадлежала к старинному, но обедневшему дворянскому

роду, муж ее был простым лавочником, сделавшим себе состояние на спекуляциях. Человеком недалекий и примитивный, он не вызывал у своей жены ничего, кроме отвращения. Однако сила была на его стороне. Он давал Анастасии кров и кусок хлеба, на его деньги брат Анастасии получал образование, и за это господин Годак требовал от супруги полнейшего повиновения. Она не могла отлучаться из дома без его на то согласия, она не смела принимать у себя никого из друзей, она должна была терпеть его грубые выходки. Запертая в глуши, Анастасия черпала радость лишь в письмах брата, обучавшегося в кадетском корпусе. И лишь изредка, вырвавшись из дома под каким-нибудь предлогом, она отводила душу. Дарти был одним из тех ее друзей, кто во время этих отлучек давал Анастасии возможность в полной мере ощутить себя женщиной и женщиной красивой.

– Ты знаешь, когда я ехала сюда, я, конечно, понимала, что в изменившихся обстоятельствах не должна рассчитывать на твое внимание, – говорила Анастасия, и волнение красило румянцем ее округлые щеки. – И все-таки пустые мечты не оставляли меня. Мне хотелось думать, что твоя женитьба была вынужденной, и что ты останешься таким же, каким и был, и нашим отношениям ничто не угрожает. Я представляла себе наши встречи, такие пылкие и такие нежные. Воспоминания о них всегда наполняли яркостью мою постылую жизнь, они давали мне возможность и дальше терпеть все те мерзости, что происходят у меня дома.

Голос Анастасии предательски звенел. Дарти попытался сочувственно накрыть ее ладонь, но молодая женщина лишь гордо вскинула голову и отодвинула протянутую ей руку. Сострадание заставило потемнеть голубые глаза Дарти.

– Прости меня, что я не могу ответить на твое желание. Ведь ты понимаешь, теперь, в изменившихся обстоятельствах... – он смешался и замолк. Слова, столь простые и очевидные, не шли на язык.

Анастасия покачала головой и выпрямилась. Теперь в глазах ее был вызов.

– Не надо. Все это пустое, чувство жалости, вина и тому подобное. Ты ни в чем не виноват передо мной. Ты имеешь право строить свою жизнь, как сочтешь нужным, и если в ней больше нет для меня места, что ж, я смогу это пережить. Ты знаешь, я женщина сильная, я умею терпеть. Наверное, я не должна была вызывать тебя на это свидание, но, прости, я не сумела удержаться. Мне так хотелось сказать тебе хоть несколько слов, увидеть твою улыбку. Теперь, когда мое желание исполнено, мы можем расстаться. Не беспокойся, твоей жене ничего не грозит. Я не собираюсь становиться ее соперницей.

Ее слова горечью отдавались у него в душе, и, тем не менее, Дарти смотрел на Анастасию с восхищением. Он любовался гордым блеском ее зеленых глаз, окрасившим округлое лицо румянцем, твердым разворотом плеч. Сейчас он не мог не любить ее, и образ жены, столь дорогой ему, слегка

потускнел.

Анастасия отодвинула так и не тронутую чашку с кофе и поднялась.

– Думаю, мне пора. Я благодарна, что ты откликнулся на мое приглашение. Прощай.

Сейчас присущая ей картавость звучала особенно заметно, и горячая волна окатила Дарти грудь. Он вскинул руку в останавливающем жесте, но Анастасия лишь покачала головой и быстро пошла к выходу. Слова сожаления, раскаяния, любви мешались у него внутри, он хотел сказать ей слишком многое и поэтому не говорил ничего. Он молча смотрел, как она уходила, и сдавливающий грудь камень становился все тяжелее. И только когда широкая деревянная дверь скрыла за собой Анастасию, Дарти вскочил, как будто подброшенный пружиной, и бросился за ней. Он нагнал ее на улице и, грубо ухватив сзади за локоть, заставил остановиться. Он тяжело дышал. Анастасия смотрела вопросительно.

– погоди, – торопливо произнес Дарти. – Тебе не следует так торопиться. Мы еще не договорили.

Ее изящно очертанные брови поползли вверх.

– Разве не все уже сказано?

Он покачал головой.

– Нет, не все.

– И чем же нам разговаривать?

Дарти глубоко вздохнул, посмотрел себе под ноги, потом

наверх, перевел взгляд на Анастасию и выговорил:

– Мы не договорились о свидании.

В устремленных на него зеленых глазах зажглись торжествующие огоньки.

...

Свидание состоялось, за ним последовало еще и еще одно, и когда Анастасии Годак пришло время покидать Кардаполь, ей было что увезти с собой в воспоминаниях. Дарти провел эти дни в каком-то безудержном веселье. Он пытался уговорить себя, что то, что случилось – лишь временная отлучка из дома, что, как только Анастасия уедет, все пойдет по-прежнему. Но он не верил себе. Он хорошо запомнил то воодушевление, тот вихрь вдохновения, который охватывал его, едва он переступал порог маленькой съемной квартирки, в которой ожидала его Анастасия. Дарти знал, что скоро все повторится. Начало положено, и вскоре он изменит своей жене снова.

Глава 6

Хардонский парк больше походил на лес. Собственно говоря, это была часть тех лесных угодий, что, лишь временно уступая место полям, расстилались вокруг города. Парковые дорожки, проложенные между уносившими ввысь свои кроны тополями и буками, хорошо подходили для прогулок как пеших, так и конных. Там, где деревья расступались, образуя обширные поляны, можно было задержаться, любясь видом и даже устроить пикник. Хардонцы любили свой парк, и лишь в самый непогожий день на его дорожках нельзя было увидеть гуляющих. Поэтому, когда Хорвину Ристли и его давнему другу и, по совместительству, практикующему адвокату Берегонду Зальцеру пришло время обсудить некоторые вопросы, они предпочли сделать это, прогуливаясь по тенистым аллеям парка.

Берегонд Зальцер был склонным к полноте мужчиной лет сорока с небольшим. Маленькие карие глаза его, скрытые за круглыми очками, светились умом. Лукавый огонек, который нередко загорался в них, он предпочитал прятать за приспущенными ресницами.

Знакомство Хорвина с господином Зальцером восходило к тем давним временам, когда Хорвин только начинал строить свою семейную жизнь, а Берегонд, тогда еще недоучившийся студент, поселился в Хардоне у своего дяди. За про-

шедшие годы Берегонд получил звание адвоката, остепенился и теперь имел обширную практику. Он помогал своему другу разрешать некоторые вопросы, связанные с проблемами детского приюта.

Весна уже вошла в ту стадию, когда ее трудно отличить от лета. Стоял ясный, теплый день, солнечные блики играли на еще сохраняющей свою свежесть листве, неистово голосили птицы, а воздух наполняли густые ароматы цветения. Прямая аллея неспешно тянулась вдоль череды раскидистых буков, над которыми вздымали ввысь свои стрелки стройные тополя.

Они уже успели обсудить вопрос об усыновлении двух воспитанников, поговорили о необходимости изыскать средства для закупки новых книг в приютскую библиотеку и теперь обсуждали проблему устройства шести выпускников и восьми выпускниц этого года.

Тут они слышали, как в заполнявший воздух многоголосый хор птиц вмешались посторонние звуки. То были выстрелы.

...

Остановившись, Хорвин прислушался. Выстрелы следовали через небольшие, почти равные промежутки, потом наступала пауза, и стрельба возобновлялась.

– На охоту не похоже. Парк не предназначен для охоты, –

заметил Берегонд.

Хорвин покачал головой.

– Скорее, это – молодежные забавы. Палят в цель по очереди.

– Вполне возможно, – согласился адвокат.

Они продолжили свой путь. По всей видимости, источник звуков находился где-то впереди, так как выстрелы стали звучать громче. А когда, минут через десять, деревья расступились, и перед ними раскрылась ровная поляна, приятели увидели и самих стреляющих.

Группа молодых офицеров собралась в нескольких шагах от крупного дуба, росшего на краю поляны. На дубе, судя по всему, была укреплена мишень. Один из молодых людей целился, остальные наблюдали за ним.

Чуть поодаль располагалась вторая группа зрителей или, вернее сказать, зрительниц. Разглядев среди девушек Юлиту Ристли, Берегонд тихонько присвистнул и искоса взглянул на своего спутника. Лицо Хорвина было мрачно.

Целящийся спустил курок. Все сгрудились вокруг дерева. Послышались одобрительные возгласы.

Теперь пистолет был в руках у другого. Выпрямившись, он стал готовиться к стрельбе. Вокруг головы его жестко курчавились каштановые волосы. Хорвин с Берегондом были достаточно близко, чтобы видеть, что человек, целящийся в мишень – это Айтон Дарагон.

Они остановились и стали наблюдать. Теперь, вблизи,

можно было разглядеть, что на стволе дерева укреплена карта – пятерка пик. Айтон метил в одну из пик. Рука его, сжимавшая пистолет, была тверда, голова гордо откинута.

Хорвин быстро взглянул на стоящую между двумя своими подругами Юлиту. Ему бросилось в глаза ее исполненное волнения лицо и напряженно прижатые к груди руки. Присутствия отца она не замечала.

Сделав свой выстрел, Айтон опустил пистолет. Губы его тронула усмешка. Поведя глазами вокруг, он увидел Хорвина и наклонил голову в знак приветствия.

Они были уже знакомы, Дарагону приходилось бывать гостем в доме Хорвина, и там он оставил о себе противоречивое впечатление. Элиса была от него в восторге. Ровина принимала Дарагона доброжелательно, но твердого мнения о нем пока не составила. Хорвину он по-прежнему активно не нравился.

– Смотрите внимательно! – крикнул Дарагон, обращаясь к Хорвину. – Смотрите, как я выиграю!

Зарядив пистолет, он прицелился снова. Второй выстрел был так же удачен, но на третьем, по-видимому, у Дарагона дрогнула рука. Он недовольно нахмурился и стал целиться более тщательно. Следующий выстрел его удовлетворил, и теперь он готовился к последнему. Движение среди зрителей замерло. Глаза Юлиты горели.

Хорвин быстро переводил взгляд со своей дочери на ее поклонника. Юлита им восхищалась, в этом не было сомне-

ния. А Дарагон? Он ни разу не посмотрел в юлитину сторону. На Хорвина пару раз взглянул, как бы призывая в свидетели своего успеха, а про Юлиту не вспомнил.

Прозвучал последний выстрел, и все пришли в движение. Берегонд, отделившись от Хорвина, подошел к дереву и стал вместе с остальными изучать карту. Вернувшись, он доложил:

– Четыре попадания из пяти. У предыдущего было только три. Дарагон выиграл.

Глаза Дарагона горели торжеством. Ссыпавшиеся со всех сторон поздравления он принимал с усмешкой превосходства. Теперь только он обратил внимание на робко жавшуюся в стороне Юлиту, и, подойдя к ней, снисходительно похлопал по плечу.

Не обращая внимания на выжидающие взгляды со стороны Дарагона, Хорвин тоже направился к дочери. Он отвел девушку к краю поляны и начал расспросы. Хорвина интересовало все: как его дочь оказалась здесь, с кем она пришла, была ли заранее оговорена встреча с молодыми людьми. Опустив голову, Юлита отвечала. С ее слов выходило, что она пришла сюда с подругами, Харизой и Торой, что молодые люди уже были в парке, что девушки знали, что встретят их здесь. Хорвин недовольно хмурился, Юлита смущалась.

...

Между тем, среди собравшихся что-то происходило. Молодые люди сгрудились возле дерева, служившего мишенью, оттуда доносился шум и отдельные выкрики. Долгое время, занятый разговором с дочерью, Хорвин ничего не замечал. Наконец его внимание на происходящее обратил Берегонд. Оборвав разговор, Хорвин направился туда. Юлита и Берегонд шли следом.

А случилось следующие. Еще до окончания состязания Айтон предсказал себе успех, и некто Сагельман Порти высказал сомнение. Вспыхнув, Айтон заявил, что готов сам держать в руке мишень, если окажется не первым. Сагельман принял вызов. Теперь, как проигравшему, мишенью для стрельбы предстояло стать ему самому.

Под оживленные возгласы приятелей, с интересом наблюдавших за исходом спора, Айтон вручил своему противнику туза пик. Заняв место подле дуба, Сагельман вытянул руку в сторону. Он старался держать карту как можно дальше от себя. И тут Дарагону пришла в голову новая мысль. Задача, что стояла перед ним, как стрелком, показалась ему слишком легкой, Айтону захотелось блеснуть, и, одновременно, поставить спорщика в смешное положение. Он потребовал, чтобы проигравший держал карту ближе к себе.

Почувяв неладное, Сагельман запротестовал. Айтон настаивал. Карту, заявил он, следует держать у плеча, почти рядом с ухом. Сагельман напомнил, что при заключении пари подобного условия не было. Айтон расхохотался ему в лицо

и спросил, не сомневается ли Сагельман в его, Айтона, способности попасть. Не хочет ли Сагельман заключить новое пари? Сагельман побледнел. Возражения его после айтонова успеха выглядели трусостью. Но побороть свои опасения он не мог, слишком многим он рисковал в случае промаха.

Мнения разделились. Одни, более осторожные, поддерживали Сагельмана, у других вызвал симпатию лихой вызов Айтона. Айтон осыпал своего противника насмешками. Сагельман не мог больше настаивать, не запятнав себя. Скрепя сердце, он установил туза в указанное положение и, стиснув зубы, приготовился ждать. Айтон занял свое место напротив. Все вокруг притихли.

...

Хорвин подошел, когда Айтон заряжал пистолет. Его противник замер с картой у уха.

Айтон не торопился. Закончив заряжать и взведя курок, он встал наизготовку и начал было целиться, но тут же опустил оружие. Склонив голову набок, Айтон оценивающе посмотрел на своего противника и стал медленно поднимать пистолет снова. Сагельман старался выглядеть спокойным, но полностью скрыть своего напряжения не мог.

И тут Хорвин вмешался.

– Напрасно ты велел расположить мишень так близко к голове, – заметил он. – Вы оба многим рискуете. Но господин

Порти рискует большим.

Айтон вскинул голову.

– Никакого риска нет! – заявил он.

Хорвин повернулся в его сторону.

– Ты берешь на себя слишком много, Айтон, – голос Хорвина звучал спокойно. – Если ошибешься ты, пострадает всего лишь твоя репутация. А твой противник при худшем исходе лишается жизни.

Слова эти, произнесенные твердым тоном, произвели на окружающих впечатление. Среди зрителей прошел шепоток. Почувствовав, что теряет влияние, Айтон топнул ногой.

– Говорю же, нет никакого риска! – громко сказал он. – Если б я думал иначе, я бы не предложил таких условий.

Хорвин тоже возвысил голос:

– Условия, что ты предложил, в первую очередь свидетельствуют о пустом бахвальстве.

Произнося эти слова, он бросил взгляд на Юлиту. Если бы ее здесь не было, он выразился бы мягче, но сейчас он обращался не столько к Дарагону, сколько к дочери. Юлита напряженно смотрела на Айтона.

На того хлесткие слова Хорвина оказали сильное действие. Лицо молодого человека залила краска.

– Если в моих действиях есть бахвальство, то, по крайней мере, не пустое! – бросил он резко. – И я способен доказать это!

Напряженно выпрямившийся, с гордо откинутой головой

и сверкающим взглядом, он выглядел сейчас красиво. Стремясь снизить это впечатление, Хорвин демонстративно пожал плечами.

– Доказывай, но не за счет другого! – произнес он веско. – Есть множество других способов показать свою меткость, не подвергая риску ничью жизнь.

В глазах Айтона вспыхнул опасный огонь.

– Что ж, если вы так обеспокоены участием этого малого, – проговорил он медленно, – в ваших силах помочь ему. – Опустив пистолет, он повернулся к Хорвину и бросил ему в лицо, – встаньте на это место сами, и я приму замену!

Сделалось тихо. Хорвин обвел собравшихся взглядом. На всех лицах он прочел ожидание. Что скажет, что сделает он, только что ратовавший за избавление незадачливого спорщика от опасности. Последней, на кого он посмотрел, была Юлита. В глазах девушки застыла мольба, но к кому она была обращена, к отцу или к ее новому другу, Хорвин понять не мог.

Он медленно подошел к дереву, возле которого так и оставался с картой в руке злосчастный спорщик. Хорвин вынул мишень из застывшей в нелепом жесте руки и шепнул Сагельману на ухо:

– Ты можешь идти. И постарайся впредь не затевать пустых споров.

Теперь Хорвин занял место Сагельмана. Карту он держал возле щеки. Стоя напротив, Айтон смотрел исподлобья. Поднимать пистолет он не торопился. Хорвин сумел привлечь зрителей на свою сторону, и Айтон ясно понимал это. Игру надо было заканчивать по-другому.

– Ну, вот что! – произнес Айтон, тряхнув головой. – Я не имел спора с вами, господин Хорвин, и доказывать вам, что я хороший стрелок, мне ни к чему. Вы можете вытянуть руку, и тогда я сделаю выстрел.

«А он не так прост, этот парень, – мелькнуло в голове Хорвина. – Он способен почувствовать настрой в обществе. И не только в обществе...» Хорвин видел, как глаза дочери вспыхнули радостью – Айтон переменял свое решение вовремя.

Когда Хорвин исполнял требуемое, Дарагон тщательно прицелился и спустил курок. Хорвин швырнул на землю простреленную карту. Не проявляя больше к ней интереса, он направился к дочери.

– Мы идем домой, – объявил он. Голос его звучал жестко.

– Отец! – взмолилась девушка. – Позвольте мне остаться. Хорвин покачал головой.

– Мне нужно сказать несколько слов господину Зальцеру, тебе – проститься с подругами. После этого мы уходим.

Привыкшая к послушанию Юлита направилась к молодежной группе, что все еще толпилась возле дерева. Прово-

дивший ее взглядом Хорвин отметил, что тонкие плечи девушки поникли. Покачав головой, он направился к Берегонду.

Они договорились о следующей встрече, на которой обоим предстояло завершить столь внезапно оборванный разговор, и Хорвин пошел за дочерью. Девушку он нашел рядом с Айтоном Драгоном.

Айтон выглядел уверенным, минутная растерянность его уже прошла. Он чувствовал себя вновь одержавшим победу.

– Юлита выразила желание остаться, – сразу заявил Айтон. В глазах его был вызов.

Не устаивая молодого человека ответом, Хорвин повернулся к дочери.

– Идем, Юлита, – коротко сказал он.

Юлита опустила голову, но с места не двинулась.

– Я жду, – повторил он терпеливо.

Не поднимая головы, Юлита шепнула:

– Отец, прошу тебя...

– Нет. Ты уйдешь со мной.

– Мне очень хотелось бы остаться...

– Ты слышала, что я сказал.

Чуть слышно вздохнув, девушка направилась к нему. И тут Айтон подал голос.

– Юлита, останься! – твердо произнес он.

Заколебавшись, Юлита остановилась. Она бросила на отца умоляющий взгляд.

Глаза Айтона сверкнули торжеством.

– Юлита остается, – заявил он.

– Она уходит вместе со мной, – отрезал Хорвин.

Жесткой рукой он взял девушку под локоть и повел ее прочь. Он не смотрел в сторону дочери и не оглядывался. Все то время, пока они с дочерью шли по парковой аллее, Хорвин не произнес ни слова. И все это время одна неотвязная мысль сверлила его.

«Она почти ему уступила. Она готова была меня послушаться. Впервые в жизни...»

...

Карты сданы, ставки сделаны, схватка между противниками началась. Теперь они знают, осознали оба, что они – противники. Что они сошли в жесткой борьбе за человеческую душу. Что от исхода их поединка зависит, как повернется жизнь юного создания. Нежного и хрупкого, слабого и прекрасного. Что судьба Юлиты – ставка в их противостоянии. Так кто же из них одержит верх?

Глава 7

Взгляд назад

Разные бывают города. Есть города – аристократы. Горделиво возносит они ввысь стены своих дворцов, их широкие улицы заполняет богато одетая публика, нарядно выглядят их площади и свысока смотрят их жители на пришельцев из других городов, не могущих похвастаться подобным величием. Таким был Ортвейл, город, где родилась Элиса. Есть города – дельцы. Не столь большие и значительные, еще не скопившие достаточно богатства, позволяющего почивать в неге, они лишь стремятся к этому, лица их жителей несут на себе печать серьезности и занятости, они всегда поглощены своими делами, они основательны и довольны собою. К таким городам можно было бы отнести и Хардон, где происходит основное действие нашей незамысловатой истории. Есть города – труженики. Они обрастают заводами и фабриками, они коптят небо своими трубами, они потемнели от грязи, что сопровождает всякую черную работу, они спешат и суетятся в своей трудовой деловитости, они неказисты, но своенравны и горды, ведь они растут и множатся, ведь среди их закопченных стен зарождается будущее. А есть города, как будто заснувшие в прошлом. Жизнь в них протека-

ет лениво, извилистые улочки никуда не торопятся, маленькие домишки дремлют в зелени садов, такие города ни к чему не стремятся и ни о чем не задумываются, и кто знает, быть может, в отдаленном будущем, шумном и суетливом, люди будут с завистью оглядываться на их неспешное существование. Таков был Лийск, родина элисиной кухни.

Кардаполь, город, ставший для Элисы новым домом, можно было назвать городом на отдыхе. Раскинувшийся на живописных холмах вдоль морского побережья, он самой природой был предназначен для легкой, беспечной жизни. Согретый ласковыми лучами солнца, обдуваемый теплым морским ветерком, город нежился в зелени своих садов. На причудливо спускающихся к морю террасах были рассыпаны увитые плющом аккуратные домики. Белые особняки были оплетены вязью решеток, тихие извилистые улочки играли причудливой рябью теней от абрикосовых деревьев, ровные ряды пальм придавали аллеям парадный вид. Ближе к вечеру, когда солнце умеряло свой пыл, просторная набережная заполнялась гуляющими. Нарядно одетые дамы неторопливо плыли, прячась под белоснежными зонтиками от солнечных лучей, их франтоватые кавалеры с важным видом отпускали глупости, вызывая розовую краску на лицах своих спутниц.

Особняк, в котором проживал Дарти Гардуэй со своей женой, как и большинство местных домов, был сложен из белого известняка. Расположенный на обращенном к морскому берегу склоне, он утопал в буйной южной зелени. Из окон

открывался вид на морской простор, а ровная, обсаженная высокими тополями, аллея, начинавшаяся от широкой бело-снежной лестницы, вела прямо на побережье.

Элиса полюбила это место. Хотя особняк Дарти не был выстроен с таким размахом, как ее собственный, а растянувшийся вокруг сад был значительно скромнее ее родного парка, роскоши ей хватало и здесь, а недостающее восполняла щедрая южная природа. Многоцветие розовых куст, вьющийся виноград, стройные стрелки кипарисов, все радовало глаз и создавало настроение праздника.

Известие о том, что она ожидает ребенка, Элиса приняла спокойно. Она не проявила никакой радости, но не высказала и тревоги. С тем же пылом, что и прежде, она продолжала развлекаться, она танцевала, каталась, веселилась на вечеринках, она выглядела вполне довольной жизнью, и одно казалось странным: Элиса не вспоминала о своем положении. Когда с нею пытались заговорить о ее ребенке, Элиса смотрела на собеседника с каким-то недоумением и сразу переводила разговор на другое.

Дарти не задумывался, почему она проявляет такое равнодушие к своему будущему материнству. Мысли его были об ином. Вся жизнь его пребывала в состоянии шаткого равновесия. Дарти всячески старался скрыть от Элисы, что у него есть и другие женщины, он изворачивался, лукавил, откровенно лгал, он шел на все, лишь бы сохранить в доме покой.

Долгое время это удавалось. Элиса выглядела такой же,

как обычно, ничто не указывало, что у нее есть хоть тень подозрения. Элиса веселилась, Дарти был с нею рядом или под каким-либо предлогом отлучался, и семейная жизнь их текла гладко.

...

Но однажды ночью сон Дарти прервали стоны. В тревоге он приподнялся. Лицо лежащей рядом Элисы казалось белым пятном, широко раскрытые глаза смотрели на него черными ямами. Дарти торопливо окликнул жену, но ответом ему был лишь протяжный стон, и тело ее выгнулось дугой. Больше ничего не спрашивая, он кинулся к звонку.

Сообщение, что ребенка она потеряла, Элиса приняла равнодушно. Она лишь пробормотала: «Значит, боли больше не будет», и отвернулась. Больше на эту тему она не разговаривала. Элиса вообще говорила теперь мало.

Сам Дарти к случившемуся отнесся спокойно, к этому времени он уже получил известие из маленького поселения в полудне пути от Кардаполя и успел побывать там. Но состояние жены вызывало у него тревогу.

Прошло больше двух недель, но Элиса все не могла оправиться. Доктора, что он приводил ней, в один голос твердили, что ей нужно только время, что она обязательно придет в себя, что скоро его жена станет такой же, как прежде. Дарти хотелось им верить, но вид Элисы свидетельствовал об обратном. Осунувшаяся, она полулежала в кресле, и, когда

взгляд ее останавливался на нем, Дарти становилось не по себе. Но, когда Элиса, наконец, заговорила, он не почувствовал облегчения.

Она медленно произнесла:

– Дарти, скажи, я очень подурнела?

Обычно звонкий голос ее звучал приглушенно.

– Ну что ты! – бодро ответил он. – Ты выглядишь прекрасно.

Слова эти не отвечали действительности. Произошедшее наложило на Элису отпечаток, точеные черты ее выглядели расплывшимися, а присущий ей прежде огонь не освещал черные глаза и не зажигал на щеках румянца.

– Ты не говоришь мне правды. Я подурнела, я знаю. Я вижу это. В твоих глазах больше нет восхищения. – Элиса взмахнула своими длинными ресницами и почти без перерыва бросила, – ты поэтому изменяешь мне?

Слова протеста застряли у Дарти в горле. Но Элиса и не ждала ответа. Не глядя на мужа, она говорила:

– Я знала, что это произойдет со мной, с самого начала знала. Ты был так любезен, что еще сватаясь, предупредил меня. Я знала, что ты не будешь мне верен, когда шла за тобой. Я знала, что наступит момент, когда я стану тебе не нужна. – Дарти сделал протестующий жест, но она не обратила на него внимания. – Я играла, я радовалась, я ловила те моменты счастья, что были мне отведены. Я не думала о том, что произойдет, я жила настоящим, и мне было хорошо. Да-

же когда я понесла, я старалась не вспоминать, чем это может для меня обернуться. Я продолжала веселиться, как будто мне не угрожал конец, как будто та страшная боль, что отведена женщине, когда она производит на свет ребенка, не ждала меня впереди. Но вот Гортелия рассказала мне, что тебя видели у мадам Домени, а всем известно, для чего ходят к мадам. И я поняла, что мое время кончилось. – Элиса судорожно сглотнула, помолчала минуту, справляясь с волнением, и продолжала, – в тот вечер я лежала рядом с тобой в постели и представляла, как выскажу тебе все, но мне становилось хуже и хуже, внутри все разрывалось от боли, потом мне стало так плохо, что я уже не могла говорить.

– Ласточка моя! – стоя перед ней на коленях, Дарти бережно гладил элисины безжизненные руки и повторял, – бедная моя, бедная! Ласточка ты моя, голубушка, солнышко!

Медленные слезы текли из элисиных глаз. Она не отнимала рук, но и не смотрела на мужа, исполненный тоски взгляд ее бродил поверх склонившейся к ней светловолосой головы.

Одной из ярчайших черт характера Дарти была доброта. Деятельная доброта, что вызывала в нем потребность приносить людям радость. Именно это его качество, еще в большей степени, чем присущие ему веселость и обаяние, привлекали к Дарти женские сердца.

И сейчас именно доброта, сочувствие к страдающей жене вытеснило все остальные его интересы, он забыл о назначенной на вечер партии в бильярд со своим другом Кирсоном,

он перестал думать о незаконченном письме к управляющему, но, главное, образ прелестной Стаффи, свидание с которой должно было состояться завтра в три часа пополудни, потускнел и исчез. Сейчас для Дарти существовала только Элиса, несчастная и больная, больная по его вине.

Дарти торопливо говорил:

– Радость моя, лишь о тебе мои мысли! Ты не представляешь себе, как мне тяжело видеть тебя несчастной...

Элиса устало покачала головой:

– Ты лжешь! Ты обо мне думал, когда уходил к мадам?

Дарти выпрямился. Взгляды их скрестились.

– Элиса, поверь мне, – с чувством произнес он, – никто в мире не значит для меня столько. Я знал многих женщин, но ни одну из них я не захотел сделать своей женой. Лишь тебя я хочу видеть рядом с собой, лишь ты мне дорога! Ты и только ты освещаешь мою жизнь, в тебя я черпаю свое вдохновение, без тебя жизнь для меня теряет смысл.

Элиса отвернулась:

– Какие красивые слова! Ты, наверное, хорошо отшлифовал их, говоря другим.

– Не говори так! – Дарти вскочил. Боль, искренняя боль звоном наполнила его обычно мягкий голос. Сейчас он был особенно красив, щеки пылали румянцем, ясные голубые глаза сверкали. – Когда я говорю с женщиной, я не лгу! Я не могу лгать! Все, что я сказал тебе, я сказал от чистого сердца!

Но Элиса не смотрела на него. Тогда он схватил ее за плечи. Элиса попыталась вырваться, но еще недавно нежные руки Дарти казались налитыми свинцом.

– Смотри! Смотри на меня внимательно! – Он почти кричал. – Смотри мне в глаза! Неужели ты не видишь, как я страдаю? За тебя страдаю! Мне больно, что между нами разлад, мне больно оттого, что боль испытываешь ты! Не отворачивайся, Элиса! Я хочу приносить тебе радость, я хочу, чтобы твои прекрасные глаза снова зажглись светом, я хочу, чтобы вновь зазвучал твой веселый смех! Об одном лишь прошу, не отвергай меня!

Элиса молчала. Дарти снова заговорил, слова его текли, ласковые, зовущие, страстные... Они окутывали туманом сочувствия и сострадания, они грели и они обещали. Но главное, что притягивало в этих полных тоски и участия словах, была та искренность, которой они были наполнены, та нежность, что светилась в горящем заботой взгляде, сквозила в каждой нотке молящего голоса. И Элиса больше не отворачивалась. Она смотрела на мужа, и в больших затуманенных глазах ее бился вопрос.

...

А ветер надувает паруса, и шхуна двинется...
Вперед, к далеким странам!
Я плыть хочу!

Не кажется ль вам странным,
Что я спешу,
Что я стремлюсь туда,
Где солнце жарко, и где море сине,
Где пальмы и кораллы, и луга...

Дарти быстро водил пером, слова рвались наружу, они теснились перед его внутренним взором, они укладывались во фразы... Они несли в себе его жажду жизни со всею ее полнотой, его вечное стремление к новым, еще неизведанным ощущениям. Стихи были одним из множества его увлечений, когда на него находило, он забывал обо всем, кроме щемящего чувства тревоги и переполненности, этого стремительного полета мысли и фантазии, которое выливается в пленяющие строки.

Все шло хорошо. Элиса выглядела успокоившейся, она уже оправилась и начала выезжать. Со Стаффи удалось примириться, она простила ему двухнедельное молчание, когда он почти не отлучался от жены. Все складывалось хорошо, и жизнь входила в свою колею.

Дарти отложил перо и перечел наспех набросанные строчки. Он задумчиво потер переносицу. «Вначале, как всегда, выходит несколько небрежно, потом надо будет отлаживать».

Перо снова забегало по бумаге.

Пусть ветер в лицо веет,
Пусть море плещется,
Скрипят над мною рей...

Он воочию видел перед собой рисуемые картины. Распахнутые белоснежные паруса убегают в синеву неба, и море, бескрайнее море расстилается вокруг. Дарти на мостике, и свежий морской бриз холодит его разгоряченное лицо. Волны неспешно проплывают мимо, они катятся туда, за горизонт, где ждут его неведомые опасности и таинственные приключения.

Появление нового лица заставило Дарти отвлечься от заманчивых картин. Он опять находился в собственной комнате и видел перед собой уже не бескрайние морские дали, а своего ближайшего друга Кирсона Стодинга.

Кирсон был старше Дарти почти на четыре года, и это давало ему возможность смотреть на неугомонного приятеля с высоты более взрослого. Обрамленное бакенбардами, вытянутое лицо его напоминало лошадиное, но умный взгляд карих глаз заставлял забыть о некрасивой внешности, а спокойная улыбка и мягкий голос действовали на собеседника умиротворяюще. Сейчас он, улыбаясь, наблюдал, как Дарти сперва отложил перо и посмотрел на вошедшего, потом бросил взгляд на лежащий перед ним лист, вновь схватил перо и продолжил торопливо водить им по бумаге. Не высказывая признаков нетерпения, Кирсон ждал.

– Новые стихи? О чем на этот раз? – спросил он, когда Дарти, наконец, оставил свое занятие.

Дарти нетерпеливо отмахнулся:

– Потом. Сейчас еще слишком сыро. Все потом.

Он встал и отошел от стола. Лицо его выглядело усталым, но довольным.

– Потом наступает не всегда, – заметил Кирсон, присаживаясь на подлокотник кресла. – Сколько раз ты охладевал к своим творениям раньше, чем успевал их закончить.

– Ну и что! – сказал Дарти легко. – Какое это может иметь значение?

– Для других, возможно, и никакого. Но это может оказаться важным для тебя самого. Разве твоему самолюбию не польстило бы осознание того, что ты создал нечто прекрасное? Разве это ни снискало бы тебе популярность?

– А зачем мне это? – возразил Дарти беспечно. – Быть популярным столь утомительно. Творить, испытывать душевный подъем, все забывать, пока ты пребываешь в мире грез, наслаждаться песней слов, вот что меня привлекает. А смотреть, как это оценивают другие, пытаться подлаживаться под их вкусы и интересы, воевать за свою славу, ревниво следить, не затмил ли тебя соперник – нет, это не по мне. Я пишу, когда мне хочется и сколько мне хочется, а до остального мне дела нет.

– Но некоторые твои стихи действительно хороши, – заметил его друг. – И ты не хочешь даже попытаться издать их.

– Я уже говорил тебе, что меня это не интересует. Но довольно о моих творческих планах, – Дарти уселся. – Давай поговорим о другом. Расскажи-ка мне лучше, что новенького творится на белом свете?

– Что новенького, – задумчиво повторил Кирсон. – Ну, что ж, у меня есть, что рассказать. И рассказ мой будет касаться непосредственно тебя.

– Вот как! – Дарти улыбнулся. – Ну, выкладывай, что там стряслось.

Кирсон встал и прошелся по комнате. Лицо его стало серьезным. Не высказывая беспокойства, Дарти ждал.

– До тебя еще не дошли слухи, что проделала твоя жена?

– Вот как, моя жена? Нет мне ничего не известно. И что же она проделала?

– Как только я узнал, сразу поторопился известить тебя.

– Так что же она вытворила? – повторил Дарти.

– Она проникла в комнаты, что содержит мадам Домени, – сказал Кирсон.

Он бросил на Дарти быстрый взгляд. Тот продолжал сохранять спокойствие.

– Ты знаешь, как устроено заведение мадам, ты ведь там частый гость, не так ли? – Дарти не ответил. – Дамам из общества вход туда закрыт. Но твоей Элисе удалось-таки прорваться.

Дарти улыбнулся:

– Представляю.

– Привратник не смог ее остановить. Пока он звал себе в помощь слуг, Элиса была уже в большой зале, где мадам обычно принимает гостей. В зале никого не оказалось. Тогда она двинулась дальше. На этот раз она очутилась в задней комнате, помнишь малую гостиную, что выдержана в малиновых тонах. Там находились три девушки, одной из них была эта блондиночка Стаффи. Ты, конечно, понимаешь, о ком идет речь? – Кирсон снова бросил на своего приятеля взгляд, но и на этот раз Дарти ничего не сказал. Кирсон продолжил рассказ, – не знаю, каким образом Элиса узнала ее, однако она сразу набросилась именно на Стаффи. Подоспевшая мадам с двумя служителями твою жену оттащили, но к тому времени ее жертва имела уже изрядно помятый облик. Как мне говорили, платье на ней оказалось разорвано, а лицо хранило следы побоев. Стаффи увели в всю слезах, а Элису выпроводили на улицу, причем, могу тебе сказать, не без труда.

Кирсон бросил на Дарти взгляд, оценивая произведенное впечатление. В глазах его приятеля бегали лукавые огоньки.

– Мадам сейчас больше всего беспокоит, – продолжал Кирсон, – как бы по горячим элисиным следам к ней не просочились другие обманутые жены. Тогда пойдут разговоры, что мадам Домени не способна соблюсти интересы своих клиентов, и ее заведению придет конец. Как я слышал, привратник, не сумевший остановить твою жену, уже уволен, и мадам берет на его место отставного сержанта, из-

вестного своей силой. В обществе сейчас только и разговоров об этом происшествии, одних элисина выходка приводит в восторг, у других вызывает осуждение. Эти вторые заявляют, что истинно воспитанным дамам не подобает быть настолько несдержанными.

Дарти усмехнулся:

– Еще бы! Мало у кого хватит смелости и боевого огня, чтобы повести себя подобным образом. Вот и приходится осуждать ту, что оказалась сильнее.

– И тебя ничего не беспокоит в этой истории?

Дарти пожал плечами.

– Ну почему же. Поводов для беспокойства тут можно снискать предостаточно. Но меня значительно больше радует, как повела себя Элиса. Такая выходка отвечает ее духу значительно в большей степени, чем то состояние уныния, в котором она пребывала еще недавно. Я радуюсь, что моя жена выздоравливает.

Кирсон покачал головой.

– Что ж, это хорошо, что у тебя есть основание для радости. Но на твоём месте я бы испытывал и тревогу тоже. Ты представляешь себе, во что может вылиться вся эта история в дальнейшем? Я имею в виду не только выходку твоей жены, но все то положение, в котором находитесь вы оба. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Я тебя понимаю и благодарен тебе за беспокойство, что ты проявляешь о наших с Элисой отношениях, – Дарти посе-

рьезнел. – Однако, какие бы старания ты ни приложил, разбираться между собой все равно предстоит нам самим.

...

Кирсон ушел. Дарти в задумчивости стоял у окна, пальцы его машинально выстукивали по стеклу печальный марш. То спокойствие, которое он высказал только что, отчасти было напускным. Дарти прекрасно осознавал всю сложность сложившейся ситуации.

Мадам Домени содержала дом свиданий, за известную плату она предоставляла помещение тем, кому надо было скрыть свои отношения. Ее комнатами пользовались женщины, что услуги мужчинам сделали своей профессией. Стаффи была одной из них. Зеленоглазая блондинка, веселая и бойкая на язык, она привлекала Дарти своим беспечным нравом. Рядом с ней он чувствовал себя легко и свободно, рядом с ней забывал обо всем. Давно уже Дарти не представлял себе жизни без Стаффи или ей подобных, они были ему нужны, они будоражили его воображение, они даровали вдохновение, они делали его жизнь ярче и полнее.

Но Элиса... Элиса... Как быть с Элисой?

Она стояла перед Дарти, как грозная Эринния, богиня мщения. Гнев был Элисе к лицу – горящие румянцем щеки, сверкающие черные глаза делали ее красоту еще ярче.

Дарти держался спокойно.

– Мне все известно, – открытое лицо его освещала мягкая улыбка, такая же, как обычно. – Кирсон поспешил донести мне о твоих подвигах.

– Что известно?! Что я отделала эту распутную девку, твою любовницу? Что я опозорила ее перед всеми? – от ярости голос Элисы звучал хрипло. – Или что твоя жена не согласна делить тебя ни с одной из этих низких, подлых и коварных куртизанок, увлекающих мужчин в свои сети?!

Голос Дарти оставался все также тих.

– Это не она меня завлекла. Я сам был инициатором. Стаффи не виновна, Элиса, виновен я. Обрати свой гнев на меня.

Тогда она хлестнула его по лицу. Дарти чуть вздрогнул, однако не двинулся с места.

– Правильно, – произнес он после краткой паузы. – Молодец! Так и надо поступать с обидчиком.

Она ударила его еще раз. Дарти не шелохнулся, лицо его не изменилось, лишь глаза полыхнули голубым огнем.

– Видишь, как все просто! – голос Дарти оставался все так же тих и мягок, ни одна нотка не выдавала его гнева или страха. – Излей ярость на меня, и она тебя отпустит. И тебе не надо будет выносить из дома наши с тобой ссоры. И не придется связывать свое имя со скандалом. И не надо будет накидываться на женщину, чья вина лишь в том, что она зарабатывает на жизнь собственной привлекательностью. Ведь не у всех есть достойное состояние, чтобы себя

обеспечить. Не всем повезло, как тебе.

– Ее трудности меня не интересуют! – выкрикнула Элиса.

– Конечно, ты и не должна интересоваться такими, как она. Эти женщины существуют, они – часть нашей жизни, но они не заслуживают внимания. Ни одна из этих служительниц увеселений не стоит даже мизинца твоей ноги.

– Так уж и не стоит! Что же ты проводишь у ее ног столько времени?!

– Я не хочу оправдываться, Элиса, – сказал Дарти. – Я такой, какой есть. Я скажу другое. Ни одна женщина, сколь она привлекательна ни была, не способна заставить меня позабыть о тебе. С кем бы я ни был, чем бы ни был занят, моя любовь к тебе не становится меньше. Исчезни из моей жизни любая из моих приятельниц, я и не замечу. Но если рядом со мной не будет тебя, я не смогу жить. Я не смогу жить без тебя, Элиса, понимаешь это? Мой смысл жизни – в тебе одной!

Элиса не отвечала.

Глава 8

Разлад поселился в тихом доме на Заставной улице. Впервые за многие годы между дружными членами семьи Ристли исчезло понимание. Впервые между ними не было согласия. Между ними явилось яблоко раздора. Имя ему было Айтон Дарагон.

Человек-загадка, человек-вопрос. Кто он на самом деле? Жестокий и равнодушный завоеватель, каким он представлялся Хорвину? Суровый, но добрый боец за справедливость, каким он виделся Юлите? Человек еще нераспознанных возможностей, как думала о нем Ровина? Чего ждать от него в будущем? И как обходиться с ним теперь?

Юлита не прекращала своих встреч с Дарагоном. Все слова Хорвина, что Айтон способен принести лишь несчастье, что он – бездушный эгоист, что он переступит через любого, что он переступит и через нее, через Юлиту, все эти уверения проходили мимо юлитиного сознания. Она видела в Дарагоне свое, и созданный ею образ был сильнее всех отцовских доводов. Тем более, что слова отца опирались только на предположения, на общее ощущение, сложившееся от встреч с Дарагоном. Никакие конкретные факты их не подкрепляли. О прошлом Дарагона было известно слишком мало, а обстоятельства его жизни в Хардоне не давали оснований для серьезных обвинений.

Не обладая ни пылким духом, ни напористостью, Юлита не пыталась ничего противопоставить отцовскому красноречию. Опустив голову, она молча выслушивала его и торопливо выскальзывала из комнаты. Со своим другом она продолжала видеться.

Тем более, что у Юлиты нашелся союзник. В семье был человек, который безоговорочно поддерживал ее интерес к Дарагону. На тетю Юлиты тот произвел исключительно благоприятное впечатление. Элису всегда привлекали яркие люди, а Айтон Дарагон обладал этим качеством в полной мере.

Ровина также не была склонна противиться встречам своей дочери с малопонятным молодым человеком. Она считала, что девушке надо дать время самой разобраться, что рано или поздно она увидит, что за человек ее первый возлюбленный. Что если он окажется недостойным, Юлита сама отвернется от него.

На это Хорвин возражал, что Айтон Дарагон может не дать ей времени разглядеть его. Что он может сделать Юлиту своею прежде, чем та успеет сообразить, что к чему. Что, ослепленная завладевшим ею чувством, Юлита не способна понимать, кто рядом с нею.

– Юлита сейчас переживает свою первую любовь, – говорила Ровина. – В такой период все чувства особенно обострены. А наша дочь всегда была очень чувствительной девочкой, в этом ее особенность и ее беда. Если Айтон смог пробиться сквозь броню ее болезненной застенчивости, если он

сумел найти к ней подход, значит он дает ей нечто такое, что для нее очень важно.

– И тем не менее, мне не нравится объект, что Юлита выбрала для своей первой любви, – гнул Хорвин свою линию. – Я просто вижу тот холодный и расчетливый взгляд, каким Дарагон смотрит на нашу дочь. В нем нет даже искры искреннего чувства. Не понимаю, как она этого не замечает!

– Но, быть может, чего-то не замечаем мы с тобой? Ведь мы имеем возможность видеть не так уж много...

– Боюсь, как бы ни было поздно! – возвращался Хорвин к своей основной мысли. – Этот дар Элисы...

– Элиса не хотела ничего плохого своим даром, – примирительно говорила Ровина. – Ты же знаешь, как она относится к Юлите.

– Еще бы! Но лучше бы у Юлиты этих денег не было! Или, хотя бы, о них никто не знал... Но Элиса постаралась распространить о них всему свету, и наша девочка сделалась объектом для охоты. Уверен, Дарагон – один из таких охотников.

...

Айтон Дарагон, как стало известно Хорвину от Элисы, проживал на улице Оружейников в большом трехэтажном доме. Хозяйка, к которой Хорвин обратился за разъяснениями, оказалась полной круглолицей женщиной в просторной блузке и цветастой юбке. Она предложила Хорвину поднять-

ся на второй этаж, пройти по коридору налево и постучаться во вторую дверь. Молодой офицер, как полагала хозяйка, должен быть дома.

На стук Айтон открыл сразу. Глаза его при виде гостя полыхнули огнем, который он тут же притушил, опустив ресницы. Пропуская Хорвина, он сделал шаг назад.

Хорвин огляделся. Комната оказалась просторной, окно, выходящее на улицу, давало достаточно света, вторая дверь в глубине вела в другое помещение. Стол, несколько стульев, диван и буфет составляли обстановку. Хаос в расположении вещей ясно говорил о том, что хозяин не слишком беспокоится о порядке. Однако принадлежавшие ему вещи свидетельствовали и о некотором достатке: две висевшие на стене шпаги были хорошего качества, небрежно брошенный на подоконник плащ с меховой оторочкой тоже был не из дешевых.

Хозяин комнаты был одет по-домашнему: без мундира, в зеленых форменных штанах и белой сорочке. Не приглашая Хорвина присесть, он и сам остался стоять, устремив на гостя взгляд отливающих сталью серых глаз.

– Чем обязан таким вниманием?

Голос Айтона звучал небрежно, но Хорвин сразу ощутил скрытое в нем напряжение.

Ясно осознавая неприятие со стороны отца Юлиты, Даргон перестал бывать в доме на Заставной улице. Круги их общения не пересекались, и Хорвин не видел Даргона уже

довольно давно. Однако слухи об очередных айтоновых подвигах до него доходили. Он слышал и об успешном участии молодого офицера в скачках. Слышал о том, как за один вечер Дарагон крупно выиграл, тут же все проиграл и с последней ставки отыгрался вновь. Слышал о каком-то споре с братом Харизы Зальцер, в котором Айтон одержал вверх. Все эти вполне обычные в молодежной среде выходки не слишком компрометировали Дарагона, но в них не было и ничего такого, что могло бы вызвать одобрение отца Юлиты.

– Я считаю, настало время объясниться, – сказал Хорвин. Дарагон на это ничего не ответил.

– Интерес, проявленный тобою к моей дочери, выходит за рамки обычного знакомства, – продолжал Хорвин.

Айтон пожал плечами, как бы говоря, что этого не отрицает.

– Как мне известно, вы часто видите друг друга как в обществе, так и наедине. Она даже бывала здесь, в этой квартире.

Айтон усмехнулся.

Это вызывающее молчание было достаточно красноречиво. Хорвин почувствовал, что начинает закипать. Он возвысил голос (Айтон вскинул глаза):

– И я предупреждаю, я предпочитаю сказать об этом прежде, чем что-либо произойдет. Если моей дочери будет нанесен малейший ущерб, я не пощажу никого, кто бы ни был к этому причастен.

Усмешка, кривившая губы молодого человека, сделалась

шире.

– Вы боитесь, что я обещаю вашу дочь? – спросил он. –
Напрасно беспокоитесь! Мои намерения свершено честны.

– Тогда объяснись!

Вызов был брошен.

Молодой человек качнулся на носках.

– Вы хотите, чтобы я сделал это прямо сейчас? – Теперь
глаза его были прищурены.

– Именно для этого я и пришел, – заявил Хорвин.

– Ну что ж... – взгляд Айтона сделался дерзким. – Если вы
действительно хотите знать... Не вижу смысла ничего скрывать,
даже приветствую откровенность.

Он прошелся танцующей походкой и снова остановился
перед отцом Юлиты. Голова его с вьющимися каштановыми
волосами была гордо откинута.

– Мое внимание к Юлите объясняется тем, что я намерен
на ней жениться! – отчеканил Айтон.

– Вот как? – в голосе Хорвина звучал холод. – И каковы же
основания для такого намерения?

Айтон пожал плечами.

– По-моему, это очевидно.

– Я хочу их услышать!

Они смотрели друг на друга.

– Я люблю вашу дочь, – произнес Дарагон.

Голос его был ровен, взгляд серых глаз неподвижен.

Хорвин покачал головой.

– Ты говоришь, что любишь мою дочь, – повторил он. – А может, правильнее будет сказать, что ты любишь ее деньги?

Айтон не отвел взгляда.

– Своих средств я не имею, – сказал он. – Вам кажется странным, что я предпочитаю найти себе жену с состоянием?

Теперь Хорвин прошелся в задумчивости. Наглая напористость молодого человека вызывала у юлитинога отца отторжение, но он не мог не видеть, что прямо́та Айтона выглядит более привлекательно, чем исполненная лжи льстивая почтительность. Хорвин попытался понять, что таит в себе прозвучавший циничный ответ. Наглую самоуверенность? Искреннее прямодушие? Самозащиту, к которой молодой человек вынужден прибегать?

Айтон больше ничего не говорил. Теперь он присел на диванный подлокотник и из-за припущенных ресниц следил за перемещениями гостя. Лицо его продолжало хранить вызов.

Наконец Хорвин остановился против молодого человека.

– Хорошо, – медленно проговорил он. – Давай разбираться дальше. Ты претендуешь на мою дочь. Я, как отец, должен принять решение, готов ли я отдать ее тебе. Для этого мне необходимо знать о тебе значительно больше. Кто ты, откуда родом, кто твои родители?

Вопрос этот, как видно, Айтону не понравились. Он выпрямился.

– Мое имя Айтон Дарагон, – отчеканил он. – Мне двадцать шесть лет. Я – офицер местного гарнизона. Этого достаточно.

Хорвин покачал головой.

– Мне недостаточно. Я хочу знать о твоём прошлом больше.

Айтон упрямо склонил голову.

– Где я родился, значения не имеет, – быстро возразил он. – Оттуда я давно уехал и все связи утратил.

– Хорошо, пусть так. Но где ты служил, прежде чем очутиться в Хардоне?

Взгляд молодого человека сделался жестким.

– Это касается меня одного.

Хорвин нахмурился.

– Не желаешь отвечать?

Айтон упрямо качнул головой.

– Нет.

Лицо его выглядело окаменевшим.

– Ну что ж... – Хорвин вздохнул.

Он подумал, что, быть может, лучше, следуя путем Ровины, тянуть время, давая дочери больше узнать своего возлюбленного. Но откровенность, высказанная Дарагоном, толкала его на ответную откровенность. И Хорвин сказал:

– Ты говоришь прямо, и я отвечу также. Ты не вызываешь доверия, и я не дам своего согласия на твой брак с моей дочерью.

Глаза Айтона полыхнули огнем, и Хорвин ясно осознал, что в этот момент он приобрел врага. Смертельного врага.

...

Стоя у окна, Айтон провожал взглядом отца Юлиты. Его противостояние планам Дарагона вызывало у молодого офицера ярость. Ярость эта разгоралась тем сильнее, чем яснее Айтон понимал, что действовать, как он привык, он не сможет.

Женщины в его жизни случались и прежде. Но всех их можно было отнести к типу женщин «испорченных». Из них получились бы хорошие подруги на час, но они не годились в спутницы жизни.

А теперь рядом с ним находилась Юлита. Существо совершенно иного склада.

Айтон не любил ее, хотя с легкостью бросил слова любви в лицо ее отцу. Он сказал их только потому, что так положено говорить, сам он этого чувства не испытывал ни к Юлите, ни к кому бы то ни было. Женщина для него была всего лишь призом в занимательной игре между мужчинами, и Юлита в этом смысле ничем не отличалась от его прежних подруг.

Но отличие все же было. Отличие было в том, что не только он выбрал себе Юлиту, но и Юлита должна была сделать свой выбор. Она также должна была захотеть видеть его, Айтона Дарагона, своим мужем, как он захотел видеть ее своей

женой.

Как ни был Айтон самоуверен, прежде всего, он был умен, а потому понимал, что может оттолкнуть девушку такого склада, как Юлита.

А значит, какая бы ярость ни разгоралась в его душе, как бы он ни стремился наказать обидчика, он не мог позволить себе ни одного жесткого выпада против ее отца.

Ведь этим он сразу бы упал в юлитиных глазах. Этим он отдал бы победу своему противнику.

А значит, придется унять клокотавшую в груди ярость и поискать другие пути достижения цели.

Поражения он не допустит. Айтон всегда одерживал верх над своими противниками. Так будет и на этот раз.

Отойдя от окна, Айтон прошелся пружинистой походкой. Сейчас он особенно напоминал хищного зверя. Юлита скорее бы поверила уверениям отца, если бы увидела своего возлюбленного в этот момент.

Мысль Айтона напряженно работала. Он искал выход. Энергия в сочетании с жестокой фантазией и прежде помогали ему торжествовать победу. И идея не заставила себя ждать. Он знал, что делать. Он знал, как одолеть своего противника.

Надо всего лишь поменять их ролями. Пусть агрессором выступит тот, кто стремится защитить свою дочь. Пусть Юлита посмотрит, каким может быть ее отец.

Айтон был уверен, что сможет сделать это. Он умел про-

воцировать людей.

Глава 9

- Который час.
- Дай посмотрю. Уже почти половина десятого.
- Тебе не кажется, что время достаточно позднее?
- Смотря для чего.
- Ровина, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Нашей дочери давно пора быть дома.
- Думаю, у тебя нет оснований для беспокойства. Рядом с Юлитой ее тетя.
- Еще одно дитя! Да Элиса сама нуждается в присмотре!

...

- Добрый вечер, госпожа Дорвида. Как поживаете? Как здоровье вашего мужа?
- Благодарю вас, господин Ристли, у нас все хорошо. Вы, наверное, разыскиваете вашу барышню с ее очаровательной тетушкой.
- Вы не представляете, где они могли бы быть?
- Они заходили к нам сегодня днем, кажется, около пяти. Потом они собирались навестить Харизу Зальцер.
- Примите мою благодарность и разрешите откланяться.

...

– Господин Зальцер, я вас приветствую.

– А, господин Ристли, рад вас видеть! Заходите, заходите, посидим вдвоем, разопьем бутылочку.

– Благодарю вас, с большим удовольствием, но не сегодня. Я разыскиваю свою дочь. Она не у вас?

– Юлиточка? Ну да, конечно, она была у нас вместе с госпожой Гардуэй. Они посидели с часок, потом ушли вместе с нашей Харизой. Кажется, они собирались на вечер к Конованам.

...

– Господа, разрешить представить вам моего давнего приятеля, господина Хорвина. Проходите, господин Ристли, мы очень вам рады. Что вы будете пить?

– Немного бренди, больше ничего. У вас, я вижу, много народу.

– О да, как видите. К кому вы предпочли бы присоединиться? Партия в вист? Или вы хотите послушать наших певиц? Еще бренди?

– Вы очень любезны. Благодарю, бренди достаточно. Скажите, а моя свояченица, госпожа Гардуэй, она здесь? Барышня Ристли с ней?

– Да, они были здесь еще недавно. Но в настоящее время обе они нас покинули. По-моему, господин Зальцер знает,

куда они собирались.

— Здравствуй, Берегонд. Как видишь, я разыскиваю Юли-
ту с ее тетей. Тебе что-нибудь о них известно?

— К сожалению, да, господин Хорвин. Хариза шепнула
мне. Боюсь, однако, вам это не понравится.

— В чем дело?

— Они ушли с этим молодым офицером, Айтоном Дараго-
ном. Хариза сказала, что они собирались в подпольный игор-
ный дом.

...

Рулетка появилась в Хардоне недавно. Мнения о новше-
стве сразу разделились. Люди старшего поколения относи-
лись к этой игре с опаской, они предпочитали проигрывать
деньги традиционными способами. Молодежь, напротив, но-
вое развлечение приветствовала. Поэтому, несмотря на то,
что такой способ игры считался незаконным, в городе насчи-
тывалось уже два места, где любой имел возможность попы-
тать счастья за зеленым сукном.

Одно из этих заведений находилось в маленьком флигеле
в Гусином тупике. К флигелю вела неширокая, но довольно
утоптанная тропинка. Начиналась она на пустыре, что нахо-
дился сразу за зданием рынка, потом проскальзывала меж-
ду ветхими сараями, огибала обшарпанное здание конюшен
и выводила к одноэтажному домику.

Попросив извозчика подождать, Хорвин направился к флигелю. Он миновал пустырь, обошел кучу мусора, перепрыгнул через лужу и добрался, наконец, до цели. Тусклый фонарь освещал неказистые стены, цвет которых за древностью уже нельзя было различить. Согнувшись, чтобы не задеть низкую притолоку, Хорвин вошел внутрь.

Довольно просторное помещение, куда он попал, было заполнено людьми. Посетители казино толпились рядом со стоящими вдоль стен маленькими столиками, где велась игра, и вокруг большого круглого стола в центре, представлявшего собой колесо рулетки. Когда Хорвин вошел, оно как раз замедлило свой бег и замерло, остановку его сопровождал хор радостных и разочарованных восклицаний.

Протискиваясь между зрителями, Хорвин разыскивал взглядом тех, за кем пришел. Первой на глаза ему попала Элиса. Она сидела перед рулеточным колесом. Потом он увидел и остальных двоих. Юлита стояла чуть поодаль, Айтон Дарагон замер с ней рядом.

Остановившись, Хорвин стал наблюдать. Поддавшись вперед, Элиса напряженно следила за движением рулетки. Вот колесо вновь остановилось, и Элиса радостно вскрикнула. Высокий человек в зеленом, что управлял движением колеса, подвинул к ней выигрыш. Хорвин видел, как Айтон нагнулся к Юлите и что-то шепнул ей на ухо.

Хорвин продвинулся еще. Теперь он был совсем близко от дочери. Ему была видна ее выбившаяся прядка волос и за-

ливавший щеки легкий румянец. Айтон, чуть повернув голову, скользнул глазами вдоль зрителей и, придвинувшись к своей спутнице ближе, по-хозяйски положил ей руку на талию. Он снова что-то шепнул ей на ухо, и румянец девушки сделался гуще.

Еще шаг, и Хорвин расслышал, о чем говорил молодой человек.

– Это совсем не страшно, – уговаривал он, склонившись к маленькому юлитиному ушку. – Стоит только начать!

Юлита покачала головой.

– Ты же видишь, многие занимаются этим. Разве тебе не хотелось бы попытаться судьбу? – продолжал настаивать Айтон.

Юлита опустила голову.

– Я не смею, – шепнула она чуть слышно. – Мне кажется, это дурно.

– Кто тебе сказал такую глупость? – спросил молодой офицер, возвысив голос. – Это твой отец возражает против того, что интересно большинству?

Не отвечая, девушка склонила голову еще ниже.

Посчитав, что пора вмешаться, Хорвин продвинулся еще и остановился рядом с Элисой. Занятая рулеткой, та ничего не замечала. А вот Юлита увидела отца, и лицо ее залила смертельная бледность.

Айтон взял девушку за плечи и отодвинул ее. Теперь он стоял между нею и отцом.

– Вы всегда являетесь, чтобы разрушить чужое веселье? – с вызовом спросил молодой офицер. Улыбка, раздвинувшая его губы, была наглой.

– Пропусти меня, – сказал Хорвин. – Я забираю Юлиту. Айтон качнул головой. Улыбка его сделалась шире.

– Элиса, – возвысил Хорвин свой голос, – прекращай игру. Вы с Юлитой идете домой.

Вокруг уже собирался кружок зрителей – посетители казино почуяли назревающий скандал. Среди них Хорвин разглядел Гэмфри Холта и Ригена Зальцера, брата Харизы.

Элиса только теперь заметила присутствие Хорвина. Не пытаясь возражать, она принялась торопливо собирать лежащие перед ней деньги. Сделав шаг в ее сторону, Айтон положил руку на сукно.

– Оставайтесь, госпожа Гардуэй, – громко произнес он. – Господин Хорвин не захочет выглядеть идиотом в глазах всех. Он не будет нарушать игру.

Элиса выглядела испуганной. Юлита стояла, прижав обе руки к щекам.

Не желая вступать в перепалку, Хорвин молча направился к дочери. Тут Айтон сделал шаг в его сторону и, как будто случайно, толкнул. Отец Юлиты качнулся, но быстро восстановил равновесие и попытался обойти молодого человека. Тот нагнулся и шепнул Хорвину на ухо:

– Убогий зануда, жалкий червяк! Напрасно ты оберегаешь свою доченьку.

И, когда Хорвин повернулся, Айтон, довершая начатое, торжествующе бросил ему в лицо:

– Я своего добьюсь! Ваша дочь будет моею!

Тогда Хорвин ударил его. Айтон отлетел, как перышко.

Не обращая больше на него внимания, Хорвин подошел к Юлите и крепко взял ее за руку выше локтя.

– Поспеши, – коротко бросил он Элисе и повлек свою дочь к выходу.

...

Они были уже снаружи, когда Айтон Дарагон настиг их и схватив Юлиту за руку. Хорвин отшвырнул молодого человека. Но уже через мгновение Айтон был перед ними снова. В неярком свете фонаря было видно, что мундир его забрызган грязью.

– Вы не уйдете! – проговорил Айтон. – Я не дам вам уйти! Спесивый баран!

На этот раз Хорвин ударил его всерьез. Теперь Айтон смог подняться не сразу. Пошатываясь, он стал перед Хорвином. Лицо его заливала кровь. Он сплюнул.

– Ублюдок! – процедил он. Вызывающая усмешка кривили его пузырящиеся кровью губы.

– Хорвин, остановись, прошу тебя!

Это сказала Элиса. Она прижимала к себе дрожащую девушку.

Но Хорвин уже ничего не воспринимал. Кровь ударила ему в голову, страсть, которая клокотала в нем и которую он привык сдерживать, вырвалась наружу. Весь гнев, что накопился за месяцы их противостояния, Хорвин обрушил на своего противника. Новый удар опрокинул Дарагона на землю. Грозно нависнув над медленно поднимающимся молодым человеком, Хорвин ждал. Айтон больше не улыбался, но взгляд его продолжал хранить упрямый вызов.

– Свинья! – пробормотал он уже неясно.

Хорвин взял молодого человека за грудки, но тут его самого схватили чьи-то руки. Айтон торжествующе вскинул голову. Его противника удерживали Гэмфри и брат Харизы.

– Смотри, Юлита! – начал Айтон. – Ты видишь...

Но больше он ничего не успел сказать. Тряхнув плечами, Хорвин с легкостью освободился. Этого Айтон не ожидал, он не отдавал себе отчета, насколько его противник силен. Впервые на его жестких чертах мелькнул страх.

Хорвин был уже близко, его дышащее гневом лицо почти соприкасалось с лицом Айтона. Приподняв молодого человека, Хорвин швырнул его с такой силой, что тот отлетел кулем, ударился спиной о стену и медленно сполз вниз. Курчавая голова его бессильно поникла, глаза закрылись.

С криком раненой чайки Юлита пронесла мимо отца и упала, закрывая собой лежащего. Тяжело дыша, Хорвин остановился над ними. Угрюмо глядя покрытую грязными разводами стену, он слушал, как рядом всхлипывает Элиса.

Глава 10

Дверь своего дома Хорвин открыл с тяжелым сердцем. Ровина встретила его в прихожей. Не сговариваясь, они сразу прошли коридор насквозь, вышли в сад и неторопливо двинулись по садовой дорожке.

Глаза Ровины смотрели с тревогой.

– Обойдется, – ответил он на ее невысказанный вопрос. – Сильные ушибы. Несколько дней ему придется отлеживаться.

– Ты видел его?

– Нет, я говорил с доктором.

– Бедный мальчик, – вздохнула Ровина.

Хорвин остановился.

– Ты его уже жалеешь?

– Конечно, жалею, – отозвалась она. – Я хорошо представляю, каково тому, на кого обрушился твой гнев.

На этот раз вздохнул Хорвин.

– Как Юлита? – спросил он осторожно.

– Заперлась в своей комнате, – сказала ему жена. – Никого не хочет видеть.

Хорвин еще раз вздохнул.

– А Элиса? – поинтересовался он чуть погодя.

– Элиса быстро собралась и уехала. Она возвращается в Кардаполь.

– Вот как... – задумчиво пробормотал Хорвин. – Значит, спешно собралась и уехала...

Дойдя до конца сада, они повернули назад. Летнее солнце веселыми зайчиками играло на листве яблонь. От нагретой земли шел теплый дух.

Ровина повернулась к мужу. Глаза ее были печальны.

– Я не хотела говорить этого, но... Ты понимаешь, что ты натворил? Ты же собственными руками толкнул ее к Даратону.

Остановившись, Хорвин сжал тонкие ладони жены.

– Ох, Ровинушка! – выдохнул он. – Не трави хоть ты мне душу!

Ясные серые глаза смотрели на него.

– Вечный ты мой страдалец, – ласково сказала Ровина. – Опять мучаешься, что не сдержался.

– Да, мучаюсь, – согласился Хорвин. – Казалось, уже не юнец, пора бы научиться удерживать свои порывы. А вот попадется такой, наглый и бесцеремонный, считающий, что ему все дозволено, и я выхожу из себя...

– На этот раз тебя можно понять, – сказала Ровина. – Ведь ты тревожился из-за нашей дочери.

– Ты понять можешь, – вздохнул он. – А вот поймет ли Юлита?

...

Он тихонько постучал в дверь юлитиной комнаты и прислушался. Тонкий голос дочери что-то прошелестел в ответ. Хорвин осторожно толкнул дверь.

Стараясь не шуметь, он вошел. Остановившись у порога, Хорвин задумчиво осматривался. Он вспоминал как, много лет назад, они с Ровиной устраивали здесь детскую. Как подбирали мебель, как Ровина радовалась каждой покупке, как умилялась, разглядывая уютную колыбельку, крошечные столик со стульчиком, детские полочки. Она старалась, чтобы комната смотрелась уютно, выбирала подходящую обивку для мебели, покрывала и занавеси. Малышу, для которого все это готовилось, не суждено было прийти в мир, но потом здесь поселилась Юлита, и радость наполнила пустующую комнату.

Юлита росла, и комната росла вместе с нею. Давно уже вынесены первые столик со стульчиком, кроватка заменена на большую, исчезли старые игрушки, появились вещи, нужные девушке: туалетный столик, гардероб, полка с книгами. Сменились обои, ковер, занавеси на окнах. Но комната по-прежнему оставалась самой уютной, самой светлой, самой милой в их доме.

Ее хозяйка сидела, понурившись, возле столика, за которым любила заниматься шитьем. И сейчас перед ней лежала начатая вышивка. Но Юлита к ней не прикасалась, мысли ее были далеко.

Вздохнув, Хорвин произнес:

– Юлита, доченька моя, я думаю, нам надо объясниться.

Юлита подняла свои большие черные глаза. Хорвин чуть вздрогнул и подобрался. Нечто новое почудилось ему в этом печальном взгляде исподлобья.

– Что мне нужно говорить? – тихо спросила Юлита.

– Тебе... – отозвался Хорвин. – Наверное, ничего... Объясниться, скорее, нужно мне. Я должен сказать, что вчера был не прав, я обязан был сохранять контроль над собой. Но меня вывело из себя...

– Ах, прошу, не надо! – вырвалось у Юлиты.

– Что ты хочешь сказать? – недоуменно спросил он. Его изумило, что дочь решилась прервать его.

– Я не хочу снова слышать, как нехорош мой избранник, – сказала Юлита. – Я уже достаточно слышала об этом, а вчера увидела... Увидела, каков на самом деле ты сам...

Почва ушла у него из-под ног...

– Юлита... – пробормотал Хорвин измученно. – Если бы я мог объяснить...

– Мне не надо ничего объяснять, – ответила она быстро. – Теперь я все понимаю сама. Теперь я знаю...

Он больше ничего не спрашивал. Он ждал продолжения...

– Я знаю, почему ты меня не любишь, – сказала дочь.

Повисло молчание.

– Так почему же, – выдохнул, наконец, Хорвин, заранее зная ответ.

– Ты меня не любишь, – сказала Юлита, – потому что я – не твоя дочь.

Машинально Хорвин поднес руку к груди. Он знал, давно знал, что придет время, и Юлита бросит ему в лицо эти суровые слова. И вот этот миг настал, и он не почувствовал ничего, кроме тягучей тоски и злости.

Злости на Элису. Она все же не сдержалась... Не сдержалась, наговорила девочке и сбежала в Кардаполь. Убежала подальше от него, Хорвина, убежала от его гнева.

Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы овладеть собой, Хорвин проговорил:

– Так что тебе сказала Элиса?

Юлита подняла голову.

– Она рассказала мне, что была одна, когда я появилась на свет, и не могла растить меня сама. А вы с Ровиной согласились меня принять, потому что своих детей у вас не было. И мама отдала меня, потому что понимала, что так будет лучше.

Хорвин перевел дыхание.

– Ну что ж... – пробормотал он. – В общем, все так и было.

Он присел перед дочерью на корточки, стараясь заглянуть ей в глаза.

– Юлита, – произнес он тихо, – скажи мне... Ты же не думаешь, что я отношусь к тебе хуже только потому, что ты мне – не родная?

Юлита отвела взгляд.

– Я всегда чувствовала... – не сразу ответила она, – всегда ощущала твою отчужденность... Как будто ты смотришь на меня со стороны... Может, ты меня стыдишься? Или... Не знаю...

– Да нет же... Я... как тебе объяснить...

– Скажи, а со своим родным ребенком ты бы держал себя также? – спросила Юлита.

Хорвин выпрямился.

– Не знаю... – не сразу ответил он. – Не могу тебе сказать... У меня никогда не было своего ребенка...

Взгляд его блуждал поверх головы дочери. «Какой странный разговор, – думал он. – Мы никогда не говорили с ней так, и никогда она не смотрела на меня таким строгим, оценивающим взглядом».

Он снова присел перед ней.

– Юлита, скажи, – спросил Хорвин осторожно, – а мама... Ровина... Ее ты тоже ощущаешь чужой?

И тут улыбка осветила юлитино лицо.

– Ну что ты... – сказала она. – Мама всегда была мне мамой, и не важно, кто она на самом деле.

...

Юлита торопливо шла, почти бежала. Темные прядки волос падали ей на лоб, лицо покраснелось, грудь высоко вздымалась. Она спешила к Айтону Дарагону. Ей необходи-

мо было поговорить с ним.

Вот уже три дня, как она носила в груди свою тайну. Ей нужен был человек, который помог бы ей разобраться. Элиса была далеко, отец ее доверие утратил, а говорить с матерью она не смела. Хорвин взял с Юлиты слово, что она не будет расстраивать мать.

Оставался только он, ее возлюбленный.

Юлита свернула на улицу Оружейников и, переводя дух, остановилась перед серым трехэтажным домом. Владевший ей пыл утих, она вдруг осознала, что прежде к Айтону ее сопровождали подруги или тетушка. Теперь впервые ей предстоит остаться с молодым человеком наедине. Ее охватило сомнение.

Но к кому же ей обратиться? Она не могла раскрыть свое знание кому угодно. Айтону могла. Человеку, который не один месяц занимал ее мысли, могла. Он умел хранить тайны. Юлита знала это.

И девушка преодолела владевший ею страх и вошла в дом. Айтон лежал на диване и играл в карты с Гэмфри Холтом. Он был полуодет, ноги прикрывал темный плед. Серые глаза его при виде робко входящей в комнату Юлиты вспыхнули торжествующим огнем.

Не глядя, он кинул карты на стол.

– Я – пас. Считай, что ты выиграл.

Оглянувшись, Гэмфри понял причину этой уступчивости и стал прощаться. Айтон снял небрежно брошенный

на спинку дивана мундир и накинул его на плечи. Лицо его еще хранило следы побоев, но движения были уверенными.

Юлита тихонько присела на краешек стула.

– Здравствуй. Видишь, я пришла... – шепнула она несмело. – Как твое здоровье?

– Скоро буду на ногах. Все образуется. – Настроение у Айтона было хорошее, он весело улыбнулся Юлите и подмигнул приятелю.

– А... – начала Юлита и замолкла. Смутившись, она оглянулась на уже стоящего в дверях Гэмфри. Тот отвесил прощальный поклон и вышел. Юлита подождала, пока дверь за ним закроется, и только тогда тихонько произнесла:

– Там, в казино... тебе пришлось очень плохо? – голос ее дрожал.

– Не будем об этом... – быстро сказал Айтон. – Все уже позади.

Лицо его сделалось серьезным. Юлита смотрела на него с состраданием.

– Знаешь... для меня это было ужасно... Ведь все совершил мой отец! Хотя... – запнувшись, она опустила голову.

Айтон бросил на нее быстрый взгляд. Настрой девушки имел для него решающее значение, ради него он подставил свою голову под кулаки Хорвина.

– Твой отец обошелся со мной довольно жестоко, – сказал он осторожно.

Юлита с готовностью кивнула. Видя, что девушка на его

стороне, Айтон продолжал:

– Твой отец был беспощаден. На какой-то миг мне показалось, что он меня уничтожит...

И Юлита решилась.

– Послушай, – осторожно сказала она. – Мне есть, что рассказать тебе.

Ее серьезный вид подсказал Айтону, что сейчас он услышит нечто важное. Он напряженно выпрямился:

– Говори!

Юлита опустила взгляд.

– Понимаешь... – проговорила она, запинаясь, – совсем недавно я узнала... что мой отец... что господин Хорвин... Что он вовсе не отец мне!

Откинувшись на спинку дивана, Айтон присвистнул. Этого он не ожидал.

– Вот так поворотец... – пробормотал он. – И как же это получилось?

Лицо Юлиты залила краска.

– Просто оказалось... Я – приемная дочь.

– Подожди-ка! – произнес он, соображая, – Тогда и госпожа Ровина – тебе не родная мать.

Девушка замялась:

– Да, но... Это не совсем так. Это нелегко объяснить... Просто они поменялись ролями. Моя мама и тетушка. Тетушка на самом деле мне мать, а мать – мне тетушка. Но это все не имеет значения. Они мне обе, как мать. Понимаешь?

Айтон покачал головой:

– Если честно, с трудом. Но главное я, кажется, уловил.

Прикрыв глаза, он напряженно размышлял. Вся эта история пришлась очень кстати. Ею надо воспользоваться. Юлита сейчас в подходящем настроении... Она будет послушна его воле.

...

Не поднимая глаз, чтобы скрыть зажегшейся в них опасный огонек, Айтон сел. Замысел сложился перед его мысленным взором.

Он велел девушке подать свечу. Юлита поднесла.

– Настало время нам объясниться! – Запалив пламя, Айтон зажал свечку в руке. – Теперь ты знаешь, кто на самом деле человек, которого ты считала своим отцом. Ты больше не будешь его слушать. Ты будешь слушать меня.

Большие черные глаза девушки смотрели на него. Он продолжал:

– Скажи мне... Ты меня любишь?

Юлита смущенно опустила взгляд.

– Если ты меня любишь, если ты меня действительно любишь, ты сделаешь все, что я попрошу? Все, что угодно?

Не поднимая глаз, Юлита чуть заметно кивнула. Лицо ее залила краска.

– Хорошо. – Айтон нагнул голову. – Хорошо. Но я хочу

убедиться, что ты действительно способна на преданную любовь. Что ради меня ты пойдешь на что угодно. Ты исполнишь мою любую просьбу. Ты слушаешь меня?

Она опять кивнула.

– Ты обещаешь мне, что сделаешь все, что я попрошу?

Еще один кивок.

– Прекрасно! – Глаза его зажглись стальным блеском. – Тогда протяни мне руку.

Юлита робко подала ему раскрытую ладонь. Айтон сжал ее запястье.

– Слушай меня! Слушай внимательно! – Взгляд его сверлил девушку. – Ты обещала выполнить все, что бы я ни попросил? Отвечай!

Она тихо шепнула:

– Да...

– Тогда... – он жестко сжал ей руку, – тогда... ты положишь свою ладонь... эту нежную и хрупкую ладонь... на огонь!

Продолжая удерживать ее руку, он смотрел на девушку из-под приспущенных век. Он следил за ее реакцией.

Юлиту била дрожь.

Айтон потряхнул ее руку.

– Так ты сделаешь это?

Она поникла головой.

– Ты меня любишь? – настойчиво вопрошал он. – Ты исполнишь свое обещание?

Юлита опустила голову. Одинокая слезинка показалась в уголке глаза.

Ее возлюбленный был неумолим.

– Я жду! – напомнил он. – Помни, ты обещала.

Ее губы шевельнулись. Он живо нагнулся к ней.

– Что? Не слышу! Говори громче!

– Прошу тебя! Я не смогу...

Айтон выпрямился и отшвырнул ее руку.

– Тогда не говори мне о любви, – бросил он резко.

Слезы потекли уже одна за другой. Юлита подняла голову.

– Я попробую... – шепнула он еле слышно. – Я попытаюсь...

Жестко прищурившись, Айтон протянул свечу к ней. Юлита осторожно подняла руку и задержала ее над пламенем. Ладонь ее заметно дрожала. Медленно она стала опускать руку к желтому огоньку.

Когда огонь был совсем близко, Айтон накрыл ее ладонь своей.

– Не надо! – быстро произнес он. – Остановись! – Теперь его голос звучал почти ласково. – Я не хочу причинить тебе боль. Я только должен был проверить тебя.

Глаза Юлиты казались огромными. Айтон напряженно смотрел на нее. Дрожащие губы ее начали складываться в благодарную улыбку.

И тогда он сказал главное.

– Не надо делать то, о чем я просил. Ты сделаешь другое...

Слушай меня внимательно!

Глава 11

Воскресенская церковь стояла в стороне от проезжих дорог. Небольшая, однокупольная, сложенная из потемневших от времени тесаных бревен, она выглядела скромно. Прихожан у этой церквушки было немного, лишь кое-кто из бедняков, ютившихся в расположенных по соседству лачугах, изредка заглядывал сюда, да воспитанники стоящего рядом детского приюта приходили на утреннюю службу.

Хорвин быстрым взглядом окинул окрестности. Рядом со зданием церкви росло несколько кустов можжевельника, позади жались два убогих строения. Но ни среди них, ни на ведущей к церкви дороге в этот ранний час не было видно ни души. Служка, только что открывший двери церковного здания специально, чтобы впустить дочь Хорвина, уже ушел, а больше в церковь никто не заходил. Юлита должна была быть в храме одна.

Уже несколько дней, наблюдая за дочерью, Хорвин подмечал владевшее ею волнение. Она пыталась укрыть свои чувства от внимательных взглядов родителей, но они выдавали себя то томительной бледностью, то окрашивающим щеки внезапным румянцем, то едва заметной дрожью голоса. В последний вечер Хорвин явно ощутил, что возбуждение дочери достигло апогея. Она уже не могла скрывать бившую ее дрожь.

Ночью Хорвин предпочел лечь в кабинете, чтобы иметь возможность наблюдать за дверью в комнату дочери. Обычно он спал довольно чутко, а на этот раз практически не сомкнул глаз. Едва рассвело, из юлитиной комнаты донеслись едва различимые звуки. Хорвин бесшумно оделся и занял свой пост. Через несколько минут через приоткрытую дверь он имел возможность увидеть, как Юлита выскользнула наружу. Ее отец отправился следом.

Не выдавая своего присутствия, он шел за дочерью, пока не проследил ее путь вплоть до Воскресенской церкви. Перед тем, как следом за Юлитой войти внутрь, Хорвин внимательно огляделся и осторожно толкнул сложенную из толстых досок дверь.

Юлита была в храме одна. Опустившись на колени перед изображением Богородицы, она молилась. Хорвин посмотрел на печально склоненную головку дочери с сожалением. Как ни тяжело было прерывать ее молитву, времени у него было мало, с минуты на минуту сюда мог явиться тот, с кем в этом уединенном месте у Юлиты была назначена встреча.

Хорвин осторожно тронул девушку за плечо, и та обернулась. Отец торопливо приложил к губам палец, останавливая готовый вырваться у нее вскрик.

– Родная моя, нам надо поговорить, – шепнул он.

Юлита смотрела на отца расширенными глазами. Хорвин подал ей руку, помогая подняться.

– Я знаю, кого ты здесь ждешь. – Он старался говорить

спокойно. — Также не сложно догадаться, зачем вы договорились о встрече в столь ранний час в этом месте.

Опустив голову, Юлита молчала. Ее отец продолжал:

— Девочка моя, прошу тебя, прислушайся к моим словам. Если у тебя есть хоть толика сомнения, если ты уверена не до конца, не торопись, не делай опрометчивого шага, ведь пути назад не будет!

Юлита подняла на отца глаза. В уголках их набухли слезы.

— Поверь мне, доченька, я желаю тебе только добра! — говорил Хорвин. — Какие бы узы нас ни связывали, помыслы мои только о тебе!

Его голос звучал все более взволнованно.

— Юлита, я хочу, чтобы ты задумалась, чтобы попыталась взглянуть на то, что происходит, с другой стороны. Скажи мне... просто скажи... сколько тебе лет?

— Семнадцать, — шепнула она еле слышно.

— Семнадцать... — повторил он. — До совершеннолетия тебе осталось еще полгода. А до этого момента ты не имеешь права вступать в брак, не так ли? Если не одно обстоятельство... Если ты не ждешь ребенка... Скажи мне, Юлита, ты ждешь ребенка от Айтона Дарагона?

Он впился глазами в лицо дочери. Она молча покачала головой. Хорвин перевел дух.

— Видишь, — продолжал он уже спокойнее, — ты сама подтвердила сейчас, что еще не можешь стать его женой. Однако ты здесь, ты ждешь его. Зачем? Вы хотите солгать? Вы хо-

тите сказать священнику, что ты носишь под сердцем дитя, чтобы он обвенчал вас прямо сейчас, несмотря на то, что ты несовершеннолетняя? Скажи мне, это так? Вы договорились об этом?

Юлита поникла. Она ничего не говорила, но Хорвин уже понял ответ по ее упавшим плечам, по печальному изгибу шеи. Он возвысил голос:

– А теперь попытайся мне объяснить, зачем эта ложь? Так ли она необходима? Так ли нужно со лжи начинать совместную жизнь?

Он взял дочь за подбородок и заставил смотреть себе в глаза.

– Молчишь... Тогда скажу я! Айтон Дарагон торопит события, потому что боится не успеть. Он боится, что тебе станет известно о нем нечто такое, что тебя оттолкнет. Я не знаю, что именно скрывает его прошлое, но уверен, в нем таятся такие вещи, которые способны тебя ужаснуть. В этом и только в этом – причина его поспешности.

Время, отведенное ему, чтобы попытаться убедить дочь, кончилось. За его спиной скрипнула дверь. Оглянувшись, Хорвин увидел, что к ним подходят Айтон Дарагон и священник этого храма, отец Иероним.

...

– Доброе утро, господин Ристли, – произнес отец Иеро-

ним своим зычным голосом. – Выходит, та девушка, о которой только что шла речь – ваша дочь?

Отец Иероним и Хорвин Ристли были хорошо знакомы, их объединяли как дела находившегося неподалеку приюта, так и нужды бедняков церковного прихода.

– Да, святой отец, к сожалению, это она, – подтвердил Хорвин.

Глаза его были прикованы к лицу Дарагона. Владевший молодым человеком гнев выдавали лишь стиснутые зубы да вспыхнувший на скулах румянец. Присутствие Юлиты и священника вынуждало его сдерживаться.

Между тем отец Иероним продолжал расспросы:

– Так это вашей дочери предстоит сегодня быть обвенчанной с Айтоном Дарагоном, офицером войск его королевского величества?

– Нет, святой отец, – твердо ответил Хорвин. – Как вам известно, моя дочь еще несовершеннолетняя и не имеет права вступать в брак. Кроме того, я не давал на этот брак своего согласия.

Подав голос хранивший до того молчание Айтон.

– Существуют обстоятельства, – заявил он, – которые вынуждают нас обойтись и без родительского благословения.

На лице его был написан вызов.

– Обстоятельств, о которых говорит молодой человек, не существует! – резко возразил Хорвин. – Они выдуманы с целью ввести вас, святой отец, в заблуждение.

Отец Иероним переводил внимательный взгляд со стоящего с гордо откинутой головой молодого офицера на напряженно застывшую девушку. Юлита пока не произнесла ни слова.

– Дочь моя, – обратился к ней отец Иероним. – скажи нам. Действительно ли твое положение вынуждает тебя вступить в брак?

Девушка не отвечала.

– Дочь моя, – настаивал святой отец. – Скажи нам правду.

– Скажи им, Юлита, – подал свой голос Дарагон, – скажи всю правду.

– Да, Юлита, скажи правду, – подтвердил Хорвин, – Скажи настоящую правду!

Юлита подняла глаза, полные слез. «Зачем вы меня мучаете?» – говорил ее взгляд.

Трое мужчин смотрели на нее, трое ждали ее ответа. И ответ им был нужен разный.

– Скажи, дочь моя, ты ждешь ребенка? – мягко повторил свой вопрос святой отец.

И Юлита не выдержала.

– Нет! Нет! – вырвалось у нее со стоном.

Закрыв лицо руками, девушка побежала прочь. Ринувшийся следом Хорвин удержал ее возле двери. Айтон, подоспевший мгновением позже, опоздал: отец уже обнимал Юлиту за плечи. Молодой человек бросил взгляд на рыдающую девушку, на застывшего рядом с ней Хорвина, потом,

через плечо, на отца Иеронима, резко повернулся и бросился вон из храма.

– Эх, молодежь, молодежь! Горячие головы! – вздохнул подошедший отец Иероним.

...

А теперь представьте себе, что вы человек гордый, сильный и упорный, вы не привыкли сдаваться или отступать. Вы рветесь к цели. Добавьте, что цель эта – не пустой каприз, не очередная игра, затеянная, чтобы поразить других, от ее достижения зависит ваше будущее.

Только что вы стояли у порога, вы уже почти добились того, чего хотели, всего несколько минут отделяли вас от того сладостного мига, за которым начиналась прямая дорога к жизни новой, к жизни лучшей, чем была у вас когда-либо. И вот вы опять откинута назад, и снова надо начинать нелегкий путь, снова надо кирпичик за кирпичиком выстраивать основание для своего будущего благосостояния.

Если вы представите себе это, вы сможете понять, какая буря сейчас бушует в душе нашего героя. И тогда вам легче будет объяснить себе некоторые дальнейшие его поступки.

Хотя Хорвин Ристли не осознавал, что творится в душе его противника, он понимал, что достигнутый в церкви успех – это еще не победа. И, в первую очередь, он думал о том, как надежнее оградить свою дочь от дальнейших

посягательств Айтона Дарагона. Когда вечером того же дня он переступил порог своего дома, в голове у него уже зрел некий план.

Ровина встретила его в тревоге. Еще утром муж известил ее о том, что чуть не произошло. Но ни о дальнейших своих действиях в этот долгий лень, ни о намерениях на будущее он ничего ей не сообщил. Ровине было известно лишь, что он отвез Юлиту к своим родителям и оставил ее там.

Теперь супруги сидели вдвоем у камина, пустого и холодного в это время года. Ровина всматривалась в угрюмое, осунувшееся лицо мужа. Она спросила, как состояние Юлиты. Он коротко ответил, что Юлита, по своему обыкновению, замкнулась, и снова углубился в свои мысли. «Мне кажется, общение с твоей матерью может принести Юлите пользу. Она умеет действовать успокаивающе», – сказала Ровина. «Надеюсь», – бросил Хорвин в ответ. Ровина больше не пыталась поддерживать разговор.

Наконец Хорвин выпрямился, как человек, пришедший к какому-то итогу, и обратил свой взор на жену.

– Итак? – спросила она. – Ты на что-то решился?

– Я понял, что нельзя больше тянуть и ждать, что эта ситуация разрешится сама собой, – ответил ее муж. – Сегодня мы чуть было не упустили Юлиту. Теперь надо действовать на опережение.

– Ты собираешься увезти Юлиту?

Хорвин невесело усмехнулся.

– Если бы мы имели дело с другим человеком, такой меры было бы вполне достаточно. Но Дарагон поедет за ней, куда бы я ни попытался ее запрятать. Мы просто отодвинем их встречу.

– Значит, тебе придется попытаться разузнать о нем больше, чтобы иметь основание объяснить Юлите, почему ты против ее союза с этим молодым человеком.

Ее муж пожал плечами.

– Этот метод более действенен, но я могу просто не успеть. Чтобы приподнять завесу над его прошлым, нужно время, а у нас его нет. Ты видишь, как быстро действует этот парень, как велико его влияние на нашу дочь.

– Значит, ты задумал нечто иное?

Он упрямо нагнул голову.

– Да, – повторил он за женой, – я задумал нечто иное.

– И этот задуманный тобой путь, судя по твоему суровому виду, может таить в себе опасность? – продолжала расспросы Ровина.

Темные глаза мужа встретились с ее ясными, светлыми глазами.

– Да, – подтвердил он, – это может таить в себе опасность.

– Для кого? – спросила она тихо.

– Для всех, – ответил он.

– И ты уверен, что иного выхода нет?

– Я не могу придумать иного выхода.

Ровина помолчала.

– Ты расскажешь мне, что задумал?

Вздохнув, он взял ее руки в свои.

– Конечно, я расскажу тебе. Ведь именно ты, как никто другой, сможешь понять мой замысел.

Ровина не отрывала взгляда от лица мужа. Внезапно ее охватила дрожь.

– Ты хочешь сказать, – медленно проговорила она, – что собираешься повторить с Дарагоном то, что проделал со мной на заре нашего знакомства?

Хорвин молча нагнул голову.

– И таким образом, – продолжала Ровина. – ты собираешься заставить Дарагона проявить свою суть. Ты хочешь увидеть, что он за человек.

– И не только увидеть сам, – сказал Хорвин. – Я хочу, чтобы это увидела Юлита.

Лицо его жены покрыла смертельная бледность.

– Ты хочешь, чтобы Юлита... – проговорила она дрожащим голосом, – чтобы наша хрупкая девочка проделала весь тот путь, что нам с тобой дался с таким трудом? Ты хочешь ее погубить?

Хорвин медленно покачал головой.

– Тяготы дороги ее не погубят. Собственно, в них для Юлиты не будет ничего нового, да и я буду подготовлен лучше, чем в тот раз. Опасность в себе несут не дорожные трудности и не те препятствия, что могут нам встретиться. Главную опасность может таить в себе наш новый спутник.

Ровина волновалась все больше.

– И ты рискнешь остаться с этим человеком, с человеком, которого так опасаясь и, быть может, справедливо опасаясь, ты рискнешь остаться с ним наедине в глуши? Ты рискнешь подвергнуть этой опасности и нашу единственную дочь?

Слабая улыбка тронула губы ее мужа. Он тихонько сжал ровинину руку.

– Родная моя, – мягко сказал он. – Я тоже кое-чего стою, и я надеюсь, что сумею с этим парнем справиться. И я предпочту сыграть с ним игру в открытую, сыграть игру, правила которой мне хорошо известны. Это лучше, чем вести с ним поединок вслепую, не зная, какой закон он решится переступить в следующий момент.

Ровина поникла.

– Значит, ты все уже решил... И ты пойдешь по избранному пути до конца.

– Да, – подтвердил он. – Я все решил и многое уже успел приготовить. Я договорился на службе. Я поговорил с отцом, и мы с ним согласовали маршрут. Если мы не вернемся вовремя, он будет знать, где нас искать. Я предпринял некоторые шаги, чтобы собрать все необходимое для дороги и надеюсь завершить сборы сегодня к вечеру.

Ровина покачала головой.

– Как быстро... Ты надеешься завершить сборы сегодня, это значит, что отправляетесь вы уже завтра?

– Я быстр, потому что быстр мой противник, – возразил Хорвин.

Смирясь, Ровина подвила тяжелый вздох.

– Но какова может быть моя роль? – спросила она. – Мне отведено в этой истории какое-то место? Или мне предстоит лишь ожидать вас, изнывая от тревоги?

Ее муж быстро нагнулся к ней.

– Твоя роль очень важна, – сказал он, глядя ей в глаза. – Ты должна рассказать всем знакомым, слышишь, всем, а, главное, подругам нашей дочери, что, когда мы уедем, мы сделаем остановку на почтовой станции Малый Клин. Ты скажешь, что мы будем ожидать там известий, и только после этого определимся, по какой дороге двинемся дальше. Это очень важно, Ровина, запомни. – И он повторил, – почтовая станция Малый Клин.

Глава 12

Взгляд назад

Зима – самое унылое время в Кардаполе. Здесь не бывает не только суровых морозов, свойственных северным широтам, но и легких морозцев. Снег – редкий гость в этих края. Зима отличается от поздней осени лишь еще большей сыростью и серостью. Бледные воды моря неотделимы от такого же по цвету неба, и нарядные набережные уже не заполнены толпами празднично одетых гуляющих.

В противовес мягко разлитой в природе печали люди окунаются в веселье. Зима – время праздников. Один бал сменяется другим, за маскарадом следует представление, и время протекает незаметно в их яркой череде. Элиса не пропускала ни одного празднества. Едва вернувшись из театра, она торопилась на бал, следом наступала очередь рождественских мистерий, потом начиналась подготовка к маскараду. Везде можно было видеть Элису роскошно, как и всегда, одетую и, как и всегда, блистающую. Дарти казалось, что она успокоилась. Он ошибался.

...

Примерно в середине января Хорвин получил от Элисы

письмо. Она не писала ему прежде, хотя в ее письмах к Ровине Хорвин неизменно находил приписку для себя, Теперь Элиса обращалась к нему лично.

Давно остались в прошлом их непростые отношения. Неразделенная любовь Элисы сменилась сестринской привязанностью, Хорвин отвечал на нее братской заботой. И сейчас элисин горестный призыв о помощи не оставил его равнодушным. Не раздумывая, он выехал в Кардаполь.

Трясаясь на жестком сидении почтового экипажа, он вспоминал.

Тихие улочки Хардона. Давние времена. Время детства. Детства Хорвина и Дарти.

Придавленная собака визжала. Бог знает, как давно телега, вернее ее остов, валялась на пустыре, и бродячие собаки привыкли дремать в ее тени. Но на этот раз что-то нарушило шаткое равновесие, старая развалина накренилась, и собачья лапа оказалась зажатой между оглоблей и передней частью телеги. Это была крупная, лохматая псина той неопределенной породы, которая заполняет улицы любого городка. Свалявшаяся шерсть ее когда-то имела желтоватый оттенок, но сейчас выглядела серой, ободранные уши были прижаты, пасть страдальчески сморщена. Она жалобно смотрела на группу мальчишек, столпившихся в отдалении.

Мальчишки бывают жестоки, жалкий вид собаки вызвал у них желание поглумиться, а беспомощное положение делало ее беззащитной перед юными варварами. Два или три

камня уже прочертили воздух, один из них угодил собаке в бок и визг ее сменился истошным лаем. Но мальчишек это только раззадорило.

– Подлецы! Негодяи!

Темноволосый мальчишка вклинился между издевателями и их жертвой.

– Напасть на беззащитного! Так поступают только трусы! – гневно кричал он в лицо обидчикам.

Мальчишка был невысок и выглядел младше любого из своих противников, но это, очевидно, его не смущало. Резкие черты лица его, пылающие гневом, смотрелись почти красиво. Сжатые кулаки показывали, что он готов защищать несчастное животное перед всем светом. Мужество всегда вызывает уважение, и один из его противников ответил почти примирительно:

– А ты что же предлагаешь делать? Приласкать этого уродца?

– Помочь ей освободиться, – твердо ответил защитник собаки.

– Да, как же! Как только подойдешь к ней, она тут же цапнет хорошенько! – вмешался угрюмый мальчишка с рыжими всклокоченными волосами. – Я эту породу знаю.

– Бойтесь, – констатировал собачий защитник с презрением. – Бойтесь и не умеете. Смотрите! – Он повернулся к собаке.

– Стой! – крикнул один из группы мальчиков. Голос его

звучал взволнованно. – Остановись! Это может быть для тебя опасным! Не видишь, как она сердится?!

Но вновь пришедший, казалось, не слышал его. Он подходил к собаке. Та заливалась. Мальчик медленно тянул к ней руку ладонью вверх и что-то тихо говорил. В лае появились жалобные нотки, он сделался тише. Остановившись подле собаки, мальчик осторожно положил руку ей на голову, не переставая говорить, медленно провел ладонью по взлохмаченному загривку. Теперь собака жалобно скулила. Мальчик присел рядом и ловко и аккуратно обнял собаку за шею.

– Пусть кто-нибудь подойдет и подтолкнет телегу, – сказал он, не оборачиваясь.

В мальчишеских рядах произошло движение, но никто не двинулся с места.

– Ну же! Мне одному этого не сделать! – в голосе мальчишки прозвучало властное нетерпение.

От группы отделился один мальчик и пошел вперед. То был высокий тонконогий подросток, широко распахнутые голубые глаза его смотрели с тревогой и каким-то недоумением. Это он выкрикнул предостережение.

Второй мальчик, стараясь держаться подальше от собаки, осторожно приблизился к телеге, ухватил за оглоблю и с усилием потянул. В то же мгновение собачий заступник дернул собаку к себе и высвободил злосчастную лапу. Собачий скулеж сменился повизгиванием. Смотревшие на них мальчишки молчали

Лохматая собака ковыляла за своим заступником, обрывок веревки обвивал ее шею, второй конец был у него в руке. Высокий мальчик шел рядом.

— А как у тебя получилось ее успокоить? — с любопытством спрашивал он. — Тебе что, приходилось иметь дело с собаками.

— Временами отец брал меня на псарню.

— И что, ты совсем не боялся? Она ведь выглядела, как бешенная.

— Боялась собака.

— А что ты будешь теперь с ней делать?

— Подлечу лапу и пристрою куда-нибудь.

— И часто ты занимаешься подобными делами?

— Как придется.

— А ты не слишком разговорчив, — заметил высокий мальчик.

— Мы не знакомы.

Высокий мальчик остановился. Улыбка осветила его лицо, сделав светлые глаза совсем голубыми.

— Мое имя Дарти Гардуэй, — сказал он.

— Хорвин Ристли, — сумрачно ответил его новый знакомый.

Тот случай положил начало их знакомству. Сближению Хорвина и Дарти не препятствовала ни разница в возрасте (Дарти был старше), ни различие в характерах. За легкий, веселый нрав, за широту и задор Хорвин многое прощал Дар-

ти: и его непостоянство, и недостаток серьезности. Не смог простить только одного: беспечного отношения к женщинам. Первая же измена Дарти стала причиной их разрыва.

Жизнь развела их, сделав жителями разных городов, и Хорвин постарался забыть, что некий Дарти Гардуэй был ему дорог. Но полностью вычеркнуть из памяти дружбу не так-то просто, как не просто забыть и то обстоятельство, что Дарти всю жизнь предстояло носить на теле отметину – изуродованное левое ухо, след состоявшейся между ними дуэли.

Прошло немало лет, и Дарти объявился в Хардоне. Старая дружба дала новые ростки, они вновь были нужны и интересны друг другу, но теперь в их отношения вкралась иная тема: Дарти оказался тем единственным человеком, кто смог заменить Хорвина в сердце Элисы. Теперь беспокойство Хорвина за судьбу Элисы сменилось другой тревогой – сможет ли она ужиться с непрекращающейся влюбчивостью Дарти. С этими невеселыми мыслями Хорвин и ехал сейчас в Кардаполь.

...

Гостиная, где они находились, была одним из самых роскошных помещений особняка. Кресла с витыми ножками, не только изящные, но и удобные, расписные круглые столики, роскошные вазы и статуэтки, обилие картин, среди которых выделялся огромный портрет Элисы, все создавало ат-

мосферу праздности и беспечности.

Элиса возбужденно ходила по комнате. Ее прекрасные полные руки были заломлены, как у героинь античных трагедий.

– Ты не представляешь себе, как это тяжело. Ежедневно, ежеминутно осознавать, что тобой пренебрегают.

Приютившийся в одном из кресел Хорвин наблюдал за ее метаниями.

– Тебе кажется, что Дарти тебя разлюбил?

– О, он не прекращает говорить о любви ко мне. Я получаю признание за признанием.

– Но ты ему больше не веришь?

Элиса безнадежно махнула рукой:

– Я уже не понимаю, во что мне верить. Он умеет быть убедителен, ты же знаешь. Но как его пылкие слова согласуются с поступками?! Сегодня он любит меня, завтра его вдохновляет другая. И так повторяется раз за разом!

Хорвин вздохнул.

– Я думаю, говоря о любви, он не лукавит. Просто это его чувство к тебе легко сочетается с пылким чувством к другой. Он такой человек... Он любит свою жену... и еще кого-нибудь.

На элисином лице отобразилось сомнение:

– Нет, этого мне не понять никогда!.. Разве так должно быть?!

– А разве всегда происходит только то, что должно про-

исходить? – возразил Хорвин. – Разве ты сама всегда поступала, как должно?

Глаза его собеседницы сверкнули гневом.

– Я вижу, ты его защищаешь. Какой ты стал терпимый! Со мной ты не был таким!

Голос Хорвина оставался так же спокоен и мягок.

– Да, я сделался терпимее. Я уже не стремлюсь уничтожить человека только за то, что отступает от признанного мною идеала. Я осуждаю Дарти, но я не считаю себя вправе требовать от него, чтобы он изменил свою сущность. Я могу лишь посоветовать ему это, но ты прекрасно понимаешь, что мой совет пропадет втуне.

Элиса присела на краешек стоящего рядом кресла.

– Все это слова, просто красивые слова, – вздохнула она. – Дарти такой, он не может по-другому, его уже не переделаешь... Но что мне-то делать, скажи, что мне делать?!

В глазах ее бился вопрос. Хорвин ответил твердо:

– Одно из двух. Раз Дарти не собирается переменить свой образ жизни, тебе остается или принимать его таким, какой он есть или...

– Или что?! – нетерпеливо выдохнула она.

– Или оставить его, – был ей ответ.

...

Дарти стремительной, легкой походкой вошел в гости-

ную и, увидев перед собой Хорвина, застыл. Левая рука его непроизвольно вскинулась, прикрывая простреленное ухо. Жест этот появлялся у Дарти лишь в минуты крайнего напряжения.

– Ты приехал по мою душу?

– Нет! – ответил Хорвин. – Я приехал не за тобой.

– Так за кем же тогда?

В глазах Дарти билась тревога.

– Я приехал за Элисой.

Дарти шагнул вперед.

– За Элисой? – повторил он. – Ты приехал за Элисой?! – Рот его мучительно искривился. – Ты сам так решил или она позвала тебя? Ну же, ответь мне, это она захотела, чтобы ты приехал?!

– Меня позвала Элиса, – сказал Хорвин ровно.

Плечи Дарти поникли.

– Значит, она позвала тебя, – пробормотал он, обращаясь, скорее, к себе. – Позвала, и ты сразу откликнулся. Конечно, ведь ты всегда был готов кинуться на помощь к тому, кого считаешь обиженным. – Он вскинул глаза. – Ведь так, а Хорвин? Ты считаешь, что я обижаю Элису?

– Так считает Элиса, – сказал Хорвин мягко.

– Элиса так считает... – эхом повторил за ним Дарти. – Значит, она не хочет больше терпеть меня. Не хочет больше мириться... – оборвав себя, он шагнул в сторону Хорвина. – Послушай, что она сказала тебе? – спросил он возбужден-

но. – Что она говорила о наших с ней отношениях?

Глаза его лихорадочно блестели.

– Ты можешь спросить у нее сам.

Дарти быстро обернулся. Элиса стояла в дверях.

Она была одета в дорожный костюм из простого синего сукна, на плечи была накинута темная шаль, в руках она держала маленькую черную сумочку. Хорвин обратил внимание, что, несмотря на известную скромность своего одеяния, она смотрелась так же, как на висящем на стене портрете – та же горделиво откинутая голова, тот же торжествующий блеск черных глаз. На своего мужа Элиса не смотрела.

– Хорвин, я готова ехать, – сказала Элиса.

Дарти сделал шаг к ней.

– Элиса, – произнес он. Элиса даже не повернула головы. – Элиса, – повторил Дарти настойчиво.

Она по-прежнему не обращала на мужа внимания. Тогда он обратился к Хорвину.

– Не увози ее сегодня, прошу тебя, – в голосе его звучала мольба. – Да, я знаю, я понимаю, как тяжела эта ноша – быть моей женой. Я не осуждаю элисино желание уехать, но зачем же рвать так сразу! Дайте мне привыкнуть к мысли, что ее не будет рядом со мной, дайте взглянуть на нее в последний раз, дайте мне проститься! Элиса! – Теперь он говорил со своей женой, – Элиса, прошу тебе, не уезжай сегодня! Покинь этот дом завтра. Завтра ты спокойно, не торопясь, соберешься, отдашь все необходимые распоряжения, завтра ты

тронешься в путь не наспех, не в суете, а как следует подготовленной. Я дам тебе наш экипаж, зачем вам с Хорвином трястись на почтовых. — Хорвин отметил, что Дарти выглядит уже по-другому, бледное лицо его порозовело, а ясные голубые глаза зажег внутренний огонь. — Прошу тебя, Элиса, подари мне только этот вечер. Мой последний вечер с тобой. Я обещаю тебе, что не скажу ни слова о твоём предстоящем отъезде, я не буду уговаривать тебя, просто проведем этот вечер вместе. Будь милосердна, Элиса, я прошу тебя только об одном вечере! О такой капле по сравнению с черным морем одиночества, что мне предстоит!

...

Утреннее солнце, проникая в высокие своды окон, позолотило тяжелые бархатные портьеры, легло шелковой тенью на покрывающие столики прихотливые узоры, ласково заглянуло в уголки кресел. Согретая солнечными лучами, комната смотрелась светло и приветливо. Утро вновь застало Хорвина притулившимся в кресле. Хорвин размышлял.

Он впервые увидел жилище Дарти, и теперь думал о том, как любой дом отражает дух своего хозяина. Особняк был буквально заполнен произведениями искусства. Картин хватило бы, чтобы украсить приличных размеров дворец, здесь были собраны самые разнообразные коллекции от часов всех видов и форм до вееров, а подбор скульптуры делал честь

любому музею. В доме находилась замечательная библиотека, стояли три рояля и одно пианино, был прекрасный зимний сад. Отсутствовала лишь популярная в обществе коллекция оружия, что служило лишней иллюстрацией миролюбия Дарти. В целом, особняк Дарти со всем правом можно было назвать домом ценителя жизни во всех ее проявлениях.

Под стать своему дому смотрелся и хозяин. Стройный, изящный, одетый со вкусом, в котором не было вычурности, он производил впечатление сошедшего с полотна персонажа картин Возрождения. Хорвин отметил, что годы женитьбы не изменили Дарти, ясный взгляд его голубых глаз сохранял мальчишескую живость, движения были по-прежнему легки и беспечны.

Его поведение во вчерашний вечер изумило Хорвина и заставило задуматься. Ни одна черточка лица Дарти, ни один жест не выдавал его беспокойства или тоски. Перед Хорвином был принимающий гостей радушный хозяин. Он был, что называется, в ударе. Оживленная улыбка не сходила с его лица, он сыпал остротами, каламбурами, читал стихи. По окончании обеда Дарти развлекал Хорвина с Элисой пением, сопровождая себе на рояле. У него оказался чистый, хотя не очень сильный тенор. Романсы, которые он исполнял, были не знакомы Хорвину, хотя одни стихи он узнал, они принадлежали самому Дарти. Элиса тоже выглядела другой, гнев сменило выражение тщеславного довольствия, она внимала всему, что говорил или делал Дарти, она смеялась его

шуткам и периодически оглядывалась на Хорвина, проверяя, какое впечатление на того производит ее муж. И Хорвин со всей отчетливостью осознал, что Дарти – более сильный противник, чем могло представиться на первый взгляд.

Хотя, размышлял Хорвин теперь, сидя в кресле и ожидая, пока спустится готовая к отъезду Элиса, может ли он считать Дарти своим противником? Имеет ли он право вмешиваться в жизнь Дарти и разрушать его семью? В своем стремлении помочь Элисе понимает ли он, что для той лучше? Яркая, но полная разочарований жизнь с Дарти или унылая, однообразная жизнь, которую может предоставить ей Хорвин? И чего хочет сама Элиса? Осознает ли она это? Вчерашнее ее поведение не давало ответа. А вот Дарти, подумал Хорвин, понимает, чего хочет его жена, и понимает это лучше, чем и Хорвин, и сама Элиса.

Между тем спустился Дарти. Сегодня он выглядел по-другому, на лице не было следов ни тревоги, ни вчерашнего оживления. Обменявшись приветствиями с Хорвином, Дарти опустился в соседнее кресло, откинул назад голову и прикрыл глаза. Он смотрелся спокойным и даже как будто умиротворенным, и лишь исходившее от него ощущение усталости было следом той бури, которая пронеслась в его душе только что.

Не желая тревожить Дарти, Хорвин заговорил о постороннем. Он спросил, откуда тот узнал романсы, что исполнял вчера. «Они – мои», – ответил Дарти рассеянно.

– Как твои? – изумился Хорвин. – Что ты иногда пишешь стихи, я знал. Но что ты занимаешься еще и музыкой?

Звучащее в его голосе удивление заставило Дарти встрепенуться.

– Не занимаюсь... – ответил он. – Так, иногда... Придет в голову мелодия, ляжет на строчку. Само собой получается. Кое-что я записываю...

– Само собой... – задумчиво повторил Хорвин. – Да, понимаю. У тебя все делается само собой. И ничего – всерьез. Глаза Дарти блеснули с оттенком лукавства:

– Погружаться всерьез – это, скорее, твоя привычка.

– Да, можно сказать и так, – согласился Хорвин. – Но где нет серьезного отношения, там не хватает и прочности.

– Может, ты и прав, – потянул Дарти задумчиво. – Но если слишком серьезно погружаться, можно ведь и не вынырнуть, разве нет?

На это Хорвин ничего не ответил.

Так они и сидели молча, Хорвин – повесив голову на грудь, Дарти – задумчиво глядя перед собой, пока в гостиную не вплыла хозяйка. На этот раз Элиса была одета не для дороги, ее платье лилового шелка можно было отнести к домашним. Лицо ее несло тот покой, что наступает после сразу примирения. И Хорвину стало ясно, что она скажет еще до того, как Элиса произнесла:

– Я остаюсь.

Глава 13

Почтовые станции давних времен заменяли современные бензоколонки. Машина нуждается в заправке, лошадь – в отдыхе и кормежке. И с ритмическим постоянством вдоль дорог располагались перевалочные пункты, на которых можно было как сменить лошадей, так и дать отдых самим путешественникам.

Почтовая станция Малый Клин представляла собой несколько неказистых домишек, прилепившихся к дороге у лесной кромки. Здесь была граница освоенных земель, отвоеванные некогда у непроходимой чащи поля заканчивались, и начиналась сплошная, тянущаяся на многие километры стена леса. Несколько дорог расходились от станции в разные стороны, одна из них осторожно вклинивалась в глухую стену деревьев, слегка раздвинув ее в этом месте, потом стыдливо ныряла под лесные своды и скрывалась из глаз. Остальные три дороги, более широкие и ухоженные, неспешно растекались по окружающим полям.

Постоялый двор помещался в длинном одноэтажном доме, вытянутом вдоль самой широкой из дорог. Несколько комнат с самой простой меблировкой: узкая, продавленная кровать, маленький столик да пара колченогих стульев – вот и все, на что мог рассчитывать постоялец. В обед подавали жидкий суп да некое жаркое неясного происхождения.

ния. В другое время можно было испросить чаю, все остальное пропитание постояльцам приходилось изыскивать самим. У хозяев ютившихся рядом со станцией домишек можно было разжиться яйцами и свежим хлебом. Все это вот уже третий день составляло питание Юлиты и ее отца.

Юлита не жаловалась. Отец с детства приучал ее к жизни в спартанских условиях. Он увозил дочь из дома, и той приходилось жить и на постоялых дворах, и в крестьянских избах, и даже просто в лесу в шалаше из веток и сухой травы. Мать пыталась возражать против этих экспедиций, но Хорвин был непреклонен. Он считал, что привычка обходиться лишь самым необходимым закалит его дочь.

Теперь он мог наблюдать результаты своих усилий. Все житейские неудобства девушка принимала с должным небрежением.

Юлита была поглощена одним чувством – она ждала. Ждала своего героя. Она свято верила, что он придет.

Хорвин смотрел на дочь не без гордости. Охваченная разгорающимся пламенем первой любви, Юлита была прекрасна. Отец посвятил ее в свои планы и удовлетворением отметил, что намерения его девушку не испугали. В предстоящем испытании Юлита не увидела для себя ничего нового, зато оно давало возможность проявить себя ее возлюбленному. Она была уверена, что Айтон справится.

Порой, когда Хорвин глядел на свою погруженную в мечты дочку, ему также хотелось, чтобы Айтон Дарагон проявил

себя достойно. Пусть он покажет себя с лучшей стороны, пусть докажет, что способен не только брать, но и давать. Но потом Хорвином овладевали сомнения, Он не представлял, чтобы Дарагон мог сделать счастливым кого бы то ни было, кроме себя самого.

...

И вот он явился. Произошло это утром третьего дня. Хорвин с дочерью только что окончили завтрак и вышли прогуляться. Хорвин первым расслышал неясный стук копыт, доносившийся со стороны леса. Поворот дороги скрывал всадника.

Поглощенная наблюдением за большой перламутровой бабочкой, Юлита ничего не замечала, но отец ее насторожился: всадник ехал от Хардона. Стук копыт делался все яснее, и вот между деревьями замелькал синий мундир.

– Юлита, – быстро произнес Хорвин. – Иди в дом.

Юлита уже стояла посреди дороги и смотрела из-под руки на приближающегося конного. Жесткие каштановые кудри, горделивая осанка не оставляли сомнений, кто это.

– Юлита, – повторил отец. – Мы должны объясниться наедине. Ступай.

Привычка к подчинению сделала свое дело. Юлита с сожалением отвернулась и пошла к постоялому двору. Хорвин прикрыл за ней калитку и встал рядом. Всадник уже спешил-

ся и теперь неспешно подходил, держа лошадь в поводу.

– Тимка! – крикнул Хорвин. – Прими коня.

Возле лошади появился парень в серой полотняной рубаше. Усмехнувшись, Айтон кинул ему поводья, и парень повел коня по направлению к конюшне. Теперь Айтон и Хорвин стояли друг против друга. Правая рука Айтона покоилась на торчащем из-за пояса пистолете.

– Я ждал тебя, – сказал Хорвин.

Айтон вскинул брови.

«Вот как!» – говорил его взгляд.

– Я ждал тебя, – повторил Хорвин. – Ждал, чтобы отдать тебе свою дочь.

Неприкрытое удивление заставило Айтона сделать шаг назад. Его лежащая на пистолете рука соскользнула вниз.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, – ответил Хорвин, – что отдам тебе свою дочь при одном условии.

– При каком? – голос молодого человека прозвучал хрипло.

– Я отдам тебе Юлиту, если она будет согласна на это.

Айтон упрямо мотнул головой.

– Она уже дала согласие, – сказал он. – Вы можете спросить ее сами.

– Я знаю, что она согласна сейчас, – ответил Хорвин. – Я отдам тебе дочь, если она не переменит свое мнение через неделю.

Рука Айтона снова легла на пистолет.

– Так... – медленно проговорил он. Глаза его были прищурены. – Так... А что произойдет за эту неделю?

– Я объясню, – коротко ответил Хорвин.

...

Хорвин кивнул головой на стоящую у забора лавку. Оба присели. Айтон держался очень прямо.

– Не знаю, говорили ли тебе, – неторопливо начал Хорвин, – но отец мой долгое время служил егерем в одном крупном поместье в окрестностях Хардона.

Айтон повернулся. На лице его отобразилось удивление.

– Нет, я этого не знал. – Он пожал плечами, – однако вы не похожи на егерского сына.

– Твое удивление вызывает то обстоятельство, что человек столь простого происхождения занимает достаточно высокое положение? Отвечу. Тут сыграли свою роль и мои собственные усилия, и хорошее воспитание, полученное от матери, особы знатной по происхождению. Впрочем, речь сейчас не об этом.

– А о чем же идет речь? – В голосе Айтона звучало нетерпение.

– Я расскажу. Но прежде один вопрос... Скажи, лошадь, на которой ты приехал – почтовая?

– Да, – коротко ответил Айтон.

– Это хорошо. Ты сможешь оставить ее здесь, тебе она больше не понадобится.

Тут же Хорвин увидел, как лицо его собеседника вспыхнуло.

– Предоставьте мне самому решать, что я буду делать с нанятой мною лошадью, – бросил он с вызовом.

– Обо всем, что тебе предстоит делать, – ответил Хорвин примирительно, – ты примешь решение сам. Однако, ты слишком горячишься, я еще не перешел к сути.

– Хорошо, – вздохнув, Айтон уселся поудобнее. – Хорошо. Я вас слушаю.

– Еще несколько слов в отступление... Потом ты поймешь, какое имеет значение то, о чем я рассказываю. Так вот, о моем отце. С детства он учил меня основам своей профессии. Я много времени проводил с ним, обучался владению оружием, приемам охоты и всему другому, что необходимо тому, кто находится в лесу. И хотя в настоящий момент я – городской житель, как многие, я не утратил прежних умений. Дочь свою я тоже приобщал к лесу, хотя в меньшей степени, ведь она – женщина. Теперь о тебе...

Он видел, как молодой человек подобрался. Теперь он слушал, не перебивая.

– Мне хотелось бы знать, где прошло твое детство, в городе или в сельской местности?

– Я родился в городе, – сказал Айтон.

– И, как я могу предположить, леса тебе знакомы мало.

Собеседник Хорвина усмехнулся:

– Вовсе не знакомы. Вы это хотели услышать?

– Во всяком случае, я предполагал, что это так. Твоя манера поведения изобличает в тебе коренного горожанина.

Молодой человек резко развернулся.

– И что же вы хотите предложить мне, коренному горожанину? – спросил он. Уголки рта его кривились.

– Я собираюсь проделать обратный путь в Хардон по лесу, – сказал Хорвин. – Мы выйдем отсюда, снаряженные всем, что нужно и двинемся, минуя дорогу, напрямик, через чащу. Я обладаю всеми необходимыми для этого умениями. Я смогу найти дорогу, я умею добывать пропитание, я знаю, как приготовить укрытие. По моим расчетам весь путь, если не вмешаются непредвиденные обстоятельства, займет около десяти дней. – Он возвысил голос. – Я предлагаю тебе, Айтон, проделать этот путь вместе со мной и моей дочерью.

Айтон слушал внимательно. Когда Хорвин закончил, он задумчиво склонил голову.

– Вы предлагаете мне отправиться с вами, – медленно повторил он. – Зачем? Какой интерес мне пускаться в эту авантюру?

– Как мне кажется, интерес есть. Интерес попытать свои силы в том, чего никогда не делал прежде.

Его собеседник прищурился.

– Бросаете мне вызов?

– Да, бросаю. Хочу убедиться, что тебе по плечу любые

трудности.

Молодой человек вскинул голову.

– А если я не хочу вас ни в чем убеждать?

– Не хочешь убеждать меня? Охотно верю. Но тебе предстоит убедить еще и Юлиту.

Дарагон напряженно выпрямился.

– Убедить Юлиту? – повторил он. Голос его прозвучал хрипло. – Договаривайте. Договаривайте все до конца.

– Изволь. Мы проделываем все описанный мною путь вместе. Если по окончании его моя дочь будет по-прежнему иметь желание стать твоей женой, я дам свое согласие. Более того, если это условие будет выполнено, сразу после нашего возвращения я объявляю о вашей официальной помолвке, и, как только минует необходимый срок, вы с Юлитой обвенчаетесь. Вот мое предложение. Тебе решать, соглашаться с ним или нет.

Айтон молчал очень долго. Наконец он повернул голову.

– Вы дадите мне обвенчаться с вашей дочерью, если я сделаю с вами весь этот путь через чащобы, и Юлита после этого не откажется от меня? Все так? Я правильно вас понял?

– Да, все так.

– А почему я должен вам верить? Как я могу быть уверен, что это – не ловушка?

– Ты в Хардоне уже не один месяц. Наверняка ты навел справки. Ты слышал, что я – бесчестный человек?

Айтон покачал головой.

– Кроме того, с нами пойдет моя дочь. Разве это – не достаточная гарантия.

– Возможно.

– Тогда, – подытожил Хорвин, – дело за тобой. Ты можешь согласиться, можешь отказаться. Решай.

Айтон смотрел на свои руки.

– А что думает Юлита? – спросил он после паузы.

– Юлита уверена, что ты справишься.

– Вот как! – повторил он тихо. – Ну что ж...

Айтон медленно поднялся. Хорвин видел его лицо сбоку. Скулы молодого человека затвердели, взгляд серых глаз сделался жестким.

– Вы не оставляете мне выбора, – сказал он. – Я иду с вами.

Глава 14

Отрывки из путевого дневника Хорвина

10 июля

Сегодня вечер второго дни пути. Движемся мы медленнее, чем я рассчитывал. Юлита быстро устает, и часто приходится останавливаться на отдых. Как я заметил, эти задержки нервируют нашего героя, он чувствует себя в лесу неуверенно и рвется поскорее отсюда выбраться.

Впрочем, я его понимаю. Лес ему знаком лишь как уютный и легкодоступный уголок для пикника да не слишком интересная ему стена из деревьев, что тянется вдоль большинства наших дорог. Он впервые очутился в необъятной лесной чаще. Он впервые представил себе, что значит ощущать себя ничтожной песчинкой перед огромным морем, простирающимся вокруг на дни пути. Быть может, он впервые почувствовал свою слабость, а это – большой удар по самолюбию для такого гордеца, как он. Вряд ли он понимал, на что идет, когда давал свое согласие.

Однако, к чести его надо отметить, что он держится. Я не слышу от него ни стонов, ни жалоб, ни просьб об облегчении. Он честно тащит на себе свою часть груза и не пытается свалить его на меня или, тем более, на Юлиту. Вчера он принимал активное участие в устройстве нашего ночлега

и не сел отдыхать, пока все не было готово. Пожалуй, Ровина была права, когда утверждала, что в этом парне сокрыто многое, что нам пока не ведомо. Без сомнения, он – человек сильный, и сила его не только в энергии и настойчивости. Я увидел, что в нем достанет и внутренней дисциплинированности, что удивительно для такой стихийной личности, как он, и понимания, в какой момент следует без споров подчиниться.

Но в чем беда Айтона Драгона, так это в его болезненном самолюбии. Он воображает, что должен быть лучше во всем. В сравнении с приятелями ему, как правило, удавалось удерживать свои позиции. Но здесь этот парень очутился в совершенно новой для себя ситуации. Ничего удивительного, что он не может ловко разжечь костер, хотя с распространением спичек сделать это стало гораздо проще, что у него не получается с легкостью устраивать укрытие. Видно, что он старается, он внимательно прислушивается к моим советам, но без опыта такие вещи не даются, и Айтон ощущает себя слабаком. Это его бесит, и внутреннее раздражение его растет. Так же было и, когда мы с ним занялись охотой и по очереди прикладывались к единственному взятому мною ружью. Айтон обнаружил тогда, что на одно его попадание я делаю три удачных выстрела. Прежде он мнил себя великолепным стрелком и теперь негодует.

Обращает он это раздражение даже не на меня, на человека, затащившего его сюда, а на ни в чем не повинную Юли-

ту. Складывается впечатление, что ее он винит, что очутился в таком не лестном для него положении. Уже несколько раз я наблюдал, как он повышает на нее голос, и моя девочка смотрит с недоумением, пытаюсь понять, в чем провинилась. Бедняжка, она еще не знает, что есть люди, которые в своих несчастиях готовы винить всех вокруг. Как видно, наш молодец относится к их числу. Вот еще одно качество, что высветило в нем наше предприятие.

11 июля

Сегодня днем путь нам пересекла небольшая речушка. Мне удалось отыскать вполне приличный брод. Глубина там не превышала длину ноги. Я прошел первым и подал сигнал, что можно двигаться остальным. И тут наш герой быстро заходит в воду, забыв об остающейся на том берегу Юлите. Он легко перебирается через реку, а несчастная девушка так и стоит одна у кромки воды. Только выбравшись, Айтон обращает на это внимание. Он раздраженно кричит, чтобы она не трусила и шла следом за нами. Бедная девушка начинает неуверенно подбирать свои юбки, и тут я криком останавливаю ее и вхожу в воду снова. Перейдя речку обратно, я беру свою дочурку на руки и ступаю в воду третий раз. Переправа благополучно завершена, и мы разводим костер, чтобы мужчины могли просушиться. Благодаря моей помощи Юлита почти не промокла, однако репутация ее друга теперь несколько подмочена. Сам он не замечает этого, он

слишком поглощен собой, но я вижу те недоуменные взгляды, что Юлита все чаще обращает к своему возлюбленному.

13 июля

Опять удили рыбу. Айтону уже лучше удастся справляться с этим непростым делом. Он вообще хорошо все схватывает. Но, несмотря на его успехи, кучка выловленной мною рыбы больше, и внутренне он бесится. Он органически не способен переносить проигрыш. Негодование свое сегодня, как и прежде, он срывает на Юлите. Чистя рыбу, девочка слишком завожилась, наш герой принялся раздраженно ее отчитывать. Просто прийти на помощь ему, конечно, не пришлось в голову. Пришлось сделать это за него. Наградой мне был благодарный взгляд дочурки, что несказанно меня порадовало. Со дня той несчастной потасовки в казино Юлита сторонится меня, но теперь все чаще я замечаю, что ясный светящийся взгляд моей девочки обращен не на героя ее мечтаний, а на ее недостойного отца.

16 июля

Препятствие, которое встретилось нам сегодня, оказалось значительно серьезнее всех предыдущих. Мы в пути уже больше недели, и не только Юлита, но и наш удалец накопили усталость. Отнимают силы поиски пищи. Выматывает ежедневная рутинная работа по устройству ночлега. Не отпускает постоянное напряжение из-за боязни отстать, поте-

ряться, сбиться с дороги. Я постарался научить Дарагона основным приемам ориентирования, я объяснил ему, как определить направление пути, если он останется один. Но, конечно, он по-прежнему не чувствует себя уверенно. Юлите проще. Она свято мне доверяет, поэтому не беспокоится. Айтон же не доверяет никому.

Теперь путь наш преградило огромное болото. Обход его занял бы слишком много времени, и я принимаю решение идти напрямик. Это не просто тяжело, это опасно. Теперь уже не только мужчинам, но и нашей несчастной девочке пришлось по колено погрузиться в вязкую, липкую грязь. Перед каждым шагом мы пробуем дорогу длинной палкой. Идти очень трудно, но останавливаться нельзя, время близится к вечеру.

Я вижу, что Юлита изнемогает. Вот усталость заставляет ее сделать неверный шаг, несчастная девочка оступается и погружается в воду по пояс. Мы оба находимся одинаково близко от нее, но на помощь Юлите кидаюсь я. Дарагон не двигается с места. Пока я вытягиваю дочь из трясины, он молча на это смотрит. Но это не равнодушие, нет. В его взгляде я читаю раздражение, дикое раздражение. Он злится на болото, на Юлиту, на меня, быть может, даже на себя самого. Когда Юлита вновь оказывается на относительно твердом месте, я даю ей хлебнуть из своей фляги, и мы двигаемся дальше. Этот участок был самым опасным, дальше начинается подъем наверх, и, наконец, мы выбираемся на твердую

почву. Все мы, как один, валимся на землю и долгое время лежим без движения.

На этот раз Айтон поднялся первый. Что он понял, что почувствовал, пока моя девочка тонула, а он на это смотрел, я не знаю, но у меня сложилось впечатление, что теперь он старается оправдаться. Он сам набрал хвороста, сам разжег костер, вскипятил воды и заварил для нас всех чаю. Присев возле Юлиты, он предложил ей кружку горячего живительного напитка. Он не умеет проявлять заботу, и все движения его выглядели неловко и неуклюже, но это была именно забота. Он опять показал себя с другой стороны. Сколько в нем еще скрывается этих граней?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.